

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Языковые средства создания литературного типажа как проблема
перевода**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Синхронный перевод (английский язык)»

очной формы обучения
Сумкина Наталья Сергеевна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Кондрашова В. Н.

Рецензент:
к.ф.н., доц.
Меркулова Е. М.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Языковые средства создания литературных типажей в аспекте перевода.....	7
1.1. Дискурс и коммуникация.....	7
1.1.1. Современные подходы к изучению дискурса.....	7
1.1.2. Речевое общение в свете прагматики.....	9
1.1.2. Эффективность коммуникации и коммуникативные неудачи	13
1.2. Личностный аспект коммуникации.....	17
1.2.1. Понятие языковой личности.....	18
1.2.2. Речевой портрет.....	21
1.3. Прагматика перевода и переводческая эквивалентность.....	26
1.3.1. Прагматическая адаптация в переводе.....	27
1.3.2. Проблема переводческой эквивалентности.....	32
Выводы по главе I.....	35
Глава II. Особенности перевода языковых средств создания литературных типажей «ребенок», «иностранец» и «малообразованный человек» в английской литературе.....	37
2.1. Особенности перевода языковых средств создания литературного типажа «ребенок».....	37
2.1.1. Речевое поведение литературного типажа «ребенок».....	37
2.1.2. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной лингвистической компетенцией.....	39
2.1.3. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной энциклопедической компетенцией.....	47
2.1.4. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной интерактивной компетенцией.....	48
2.1.5. Результаты анализа переводческих приемов и языковых средств создания литературного типажа «ребенок».....	50
2.2. Особенности перевода языковых средств создания литературного типажа «иностранец».....	51
2.2.1. Речевое поведение литературного типажа «иностранец».....	51
2.2.2. Проявление недостаточной лингвистической компетенции.....	53

2.2.3. Результаты анализа переводческих приемов и языковых средств создания литературного типажа «иностранец»	65
2.3. Особенности перевода языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек»	66
2.3.1. Речевое поведение литературного типажа «малообразованный человек»	66
2.3.2. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной лингвистической компетенцией	67
2.3.3. Другие лингвистические особенности речи литературного типажа «малообразованный человек».....	70
2.3.4. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной интерактивной компетенцией.....	72
2.3.5. Результаты анализа переводческих приемов и языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек».....	73
Выводы по главе II.....	75
Заключение	77
Список использованной литературы.....	80
Список сокращений источников	85
Список словарей.....	86
Список сокращений	87
Приложение 1	88
Приложение 2	89
Приложение 3	91
Приложение 4	93

Введение

Авторы художественных произведений нередко прибегают к различным языковым средствам для создания речевого портрета персонажа. Среди таких средств можно выделить коммуникативные неудачи, которые позволяют не только создать яркий, запоминающийся и отличающийся естественностью речи персонаж, но и достичь определенного прагматического эффекта, оказать воздействие на внутренний мир читателя, вызвать у него определенные ассоциации, мысли и чувства. Однако данный феномен также служит и источником переводческих трудностей, связанных с нелегкой задачей передачи прагматической составляющей текста оригинала средствами языка перевода, что привлекает внимание переводчиков, переводоведов и читателей.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется следующими факторами. Во-первых, необходимостью поиска эффективных способов перевода языковых средств создания литературных типажей, в первую очередь коммуникативных неудач, которые зачастую не только не имеют эквивалента в языке перевода, но и требуют применения серьезных семантико-синтаксических преобразований, вызывая тем самым структурно-смысловые расхождения с текстом оригинала, но при этом сохраняя прагматический эффект высказывания и всего текста в целом.

Во-вторых, неполной исследованностью данной тематики. Проблемы прагматики перевода в рамках личностного аспекта коммуникации все еще остаются не до конца решенными, а вопрос о наиболее эффективных способах перевода остается открытым.

В-третьих, особым научным интересом современных исследователей в области коммуникативной лингвистики и прагматики, а также переводчиков художественных произведений к личностным аспектам речевого общения, вопросам эффективности коммуникации и проблемам переводческой эквивалентности и адаптации.

Целью исследования является выявление основных переводческих проблем при передаче языковых средств создания литературных типажей «ребенок», «иностранец» и «малообразованный человек» и путей их преодоления.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) представить теоретические основы исследования: прагматический и личностный аспекты коммуникации, прагматика перевода и переводческая эквивалентность;
- 2) провести анализ речевого поведения литературных типажей «ребенок», «иностранец» и «необразованный человек»;
- 3) выявить основные языковые средства создания указанных литературных типажей, вызывающие проблемы при переводе;
- 4) определить ключевые переводческие приемы при передаче языковых средств создания указанных литературных типажей;
- 5) выявить закономерности между типами языковых средств создания литературных типажей и переводческими приемами.

Объект исследования – языковые средства создания литературного типажа.

Предмет исследования – особенности перевода языковых средств создания литературного типажа.

Научная новизна исследования состоит в том, что коммуникативные неудачи впервые рассматриваются как языковое средство создания литературного типажа, а также проводится анализ их перевода на русский язык и выявляются закономерности между типами языковых средств создания литературных типажей и переводческими приемами.

Источником **материалов исследования** послужили художественные произведения британских и американских авторов XX – XXI веков и их

переводы на русский язык. Методом сплошной выборки с 3962 страниц было собрано 87 примеров и проанализировано 51 пример.

Теоретическую основу исследования составляют труды в области коммуникативной лингвистики Н. И. Формановской, В. В. Богданова, Ю. Н. Караулова, П. Грайса, Дж. Лича и др., лингвоперсоналогии В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Л. П. Крысина, О. Г. Алюниной, Е. Д. Павлычевой и др., а также положения теории перевода, разработанные в исследованиях В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, А. Нойберта, Л. Венути, Н. К. Гарбовского, И. С. Алексеевой, Ю. Найды и др.

В работе использованы следующие **методы** исследования: описательно-аналитический, классификационный, а также метод сравнительно-сопоставительного и прагмалингвистического анализа.

Результаты исследования были апробированы в форме выступления на XXI Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ, проходившей 16 – 20 апреля 2018 года.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав и выводов по ним, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений источников примеров, списка сокращений и четырех приложений. Объем основного текста – 79 страниц, общий объем – 94 страницы.

Глава I. Языковые средства создания литературных типажей в аспекте перевода

1.1. Дискурс и коммуникация

1.1.1. Современные подходы к изучению дискурса

Коммуникация или общение – это «комплекс речевой деятельности людей по созданию и интерпретации разного рода высказываний, дискурсов, текстов, жанров» [Формановская 2007: 3]. Единицей речевого общения выступает высказывание, которое, как правило, взаимодействует с другими высказываниями, образуя более крупную единицу – дискурс. Согласно постулатам коммуникативной лингвистики, «коммуникативное поведение проявляется в определенном дискурсе и конкретизируется в виде определенных речевых жанров» [Карасик 2009: 264].

В настоящее время понятие «дискурс» является актуальным для различных исследований в области коммуникативной лингвистики и допускает ряд различных интерпретаций.

Согласно словарю лингвистики и фонетики, Д. Кристала, дискурс означает «набор высказываний, которые составляют любое распознаваемое речевое событие, например, беседу, шутку, проповедь, интервью» [Crystal 2008: 148]. Однако, с точки зрения современной концепции когнитивной лингвистики, дискурс – это не просто связанная последовательность предложений или речевых актов.

В соответствии с концепцией коммуникативной природы текста, дискурс представляет собой «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [Дейк 1989: 121]. При этом, дискурс обладает такими чертами, как личностность, процессуальность, ситуативность и замкнутость.

С позиции современных подходов к изучению дискурса отечественными лингвистами, данный термин понимается как коммуникативное явление, которое включает в себя экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста [Караулов 1989а: 8].

Подобный взгляд на дискурс разделяет и В. И. Карасик, который рассматривает дискурс как коммуникативно-прагматическую деятельность с языковыми и экстралингвистическими составляющими [Карасик 1998: 185].

Основываясь на приведенных интерпретациях дискурса, можно сделать вывод о том, что в дискурсе отражается менталитет, национальная культура, а также индивидуальные черты личности. Подобное понимание дискурса позволяет посредством лингвистического анализа воссоздать фонетические и лексико-грамматические особенности языковой личности, а также ее языковую картину мира.

Что касается типологии дискурса, то один из наиболее распространенных и признанных вариантов типологии принадлежит В. И. Карасику. Основанием для данной типологии служит предназначенность дискурса, то, на кого он ориентирован. Соответственно выделяются личностно-ориентированный и статусно-ориентированный типы дискурсов. В рамках первого типа дискурса коммуниканты «стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик», а во втором случае участники общения «выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией» [Карасик 2002: 199].

Личностно-ориентированный дискурс представлен двумя основными разновидностями: бытовой и бытийный, при этом бытовое общение диалогично, носит свернутый характер, и представляет собой генетически

исходный тип дискурса, в то время как бытийное общение в основном носит монологический характер, носит развернутый характер и выражается в виде художественного, философского или мифологического текста.

Характер статусно-ориентированного дискурса может быть институциональным и неинституциональным, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в обществе в конкретный исторический промежуток времени. Сюда относятся, например, научный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, рекламный и другие типы институционального дискурса.

В рамках данного исследования рассматривается бытовой дискурс. Основываясь на представленных определениях дискурса, а также на его характеристиках, бытовой дискурс можно определить как коммуникативно-прагматическую деятельность, реализуемую участниками общения в рамках неофициальной ситуации.

Итак, в рамках бытового дискурса коммуниканты взаимодействуют друг с другом при помощи высказываний, заключенных в определенные тексты и жанры, при этом данное взаимодействие происходит по особым принципам, складывающимся в процессе развития коммуникации и общества. Данные принципы коммуникативного взаимодействия и поведения сформированы в рамках прагматического подхода к исследованию коммуникации.

1.1.2. Речевое общение в свете прагматики

Речевое общение связано с использованием коммуникантами лингвистических, энциклопедических и интерактивных компетенций. Лингвистические компетенции относятся к языку и отражают его устройство. Энциклопедические компетенции характеризуют устройство

мира, а интерактивные компетенции отражают принятые в обществе правила и конвенции речевого общения [Богданов 2007: 180-181].

Всякая вербальная коммуникация преследует определенные цели. Для того, чтобы коммуникация могла достичь заданных целей, она должна регулироваться некими правилами и принципами. Общие принципы, которым подчиняется речевое общение, широко освещаются в прагматических исследованиях и основаны, главным образом, на так называемых принципах и максимах общения. Наибольшее распространение получили принципы П. Грайса и Дж. Лича.

П. Грайс предлагает концепцию принципа Кооперации, который включает различные постулаты, объединенные четырьмя категориями, а именно Количества, Качества, Способа и Отношения.

К первой категории относятся постулаты, согласно которым коммуниканты должны сообщать ровно столько информации, сколько требуется для достижения целей общения, иными словами общающиеся должны соблюдать некую «золотую середину». Постулаты категории Качества требуют от участников общения сообщать лишь истинную информацию и воздерживаться от высказываний, для которых у них недостаточно оснований. Категория Способа включает в себя один главный постулат, а именно «выражайся ясно», в который входят еще несколько частных постулатов или под-максим. В этом случае говорящий должен исполнять ряд правил, а именно организовать свою речь, избегать неточностей, неоднозначности, многословия. Наконец, к категории Отношения относится постулат релевантности («не отклоняйся от темы»), который означает, что коммуниканты должны говорить по существу. [Грайс 1985: 222]

Принцип Кооперации считается некой идеализированной моделью речевого поведения, ведь в реальной ситуации общения участники общения

часто случайным образом или намеренно нарушают те или иные правила. При этом нарушение отдельных постулатов может сопровождаться сохранением общего принципа Кооперации, что приводит к возникновению особой ситуации, когда часть информации сообщается в форме подтекста. Подтекстовый смысл, который адресант извлекает из намеренного или ненамеренного нарушения какого-либо постулата, П. Грайс называет термином «импликатура». Таким образом общение может совершаться как способом прямой передачи смысла, так и способом импликатур. Считается, что коммуниканты предпочитают импликатурный метод общения по ряду причин, связанных с нормами приличия, вежливости или этикета [Богданов 2007: 17].

Поскольку вежливость играет важную роль в обществе, то наряду с принципом Кооперации речевое общение также регулируется принципом Вежливости, разработанным Дж. Личем. Данный принцип включает в себя следующие максимы: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech 1983:132].

Принцип вежливости, и понятие вежливости в целом, во многих случаях требует от говорящего уменьшать собственную выгоду и увеличивать выгоду партнера, т.е. то, что хорошо для адресата не всегда будет приемлемо для говорящего, тем не менее, следуя данным правилам, адресант может достичь желаемой цели и при этом не обидеть адресата.

Отдельные постулаты принципа Вежливости переплетаются с постулатами принципа Кооперации, но также могут и противоречить им, если того требует коммуникативные цели говорящего. Также, как уже упоминалось выше, может происходить намеренное (или ненамеренное) нарушение отдельных постулатов при соблюдении говорящим обоих принципов речевого общения.

Несмотря на то, что многие лингвисты придерживаются мнения о том, что коммуникантам свойственно выбирать имплицатурный способ общения, существует и обратная точка зрения. Например, И. Кларк утверждает, что в обычном дискурсе говорящие стремятся избежать многозначности и придерживаются принципа конвенциональности. Данный принцип сформулирован исследователем следующим образом: «для определенных значений существует некая форма, использование которой ожидается говорящими в данной коммуникативной среде» [Clarke 1993: 67]. Каждая коммуникативная среда располагает своим собственным рядом конвенций. Говорящие выбирают определенную форму для выражения некоего значения именно потому, что если бы они выбрали другую форму, то данное значение не только не было бы передано, но оно было бы другим. Таким образом, они полагаются на утверждение о том, что у различных форм существуют различные значения.

Помимо принципа конвенциональности, по мнению И. Кларк, коммуниканты также полагаются на принцип контраста, т.е. «говорящие обращают внимание на разницу формы для того, что указать на разницу значения» [Clarke 1993: 69]. Другими словами, говорящие стараются избегать полных синонимов, при этом признавая тот факт, что у одной формы может существовать несколько значений.

Данные принципы позволяют коммуникантам максимально избегать наложения значений и избегать недопонимания в речевом общении. Все это справедливо по отношению к повседневным, обыденным формам обмена информацией. Однако даже в таких ситуациях общения говорящие не могут не добавить в высказывания скрытые смыслы, а слушающие обычно усваивают из высказывания гораздо больше того, что лежит на поверхности.

Д. Спербер и Д. Уилсон утверждают, что «что говорящий, нацеленный на оптимальную релевантность, должен выстроить высказывание таким

образом, чтобы заранее облегчить (и исправить) устранение неоднозначности» [Sperber, Wilson 1986: 204].

Тем не менее, по мнению исследователей Б. Нерлич и Д. Кларка, именно такие нарушения коммуникативной нормы, как неоднозначность и ирония, а также пренебрежение коммуникативными максимами делают общение “интересным”, заставляют людей действительно участвовать в общении и наслаждаться им. «Они [участники общения] мало беспокоятся об эффективности коммуникации, гораздо больше их волнует прагматический “эффект”, которого они хотят добиться» [Nerlich, Clarke 2001: 4]. В данном случае речь идет о намеренной эксплуатации принципа Кооперации, однако часто коммуниканты, забывая о принципах речевого общения, неумышленно вводят своих собеседников в заблуждение, что приводит к коммуникативным неудачам и даже к комическим ситуациям, используемыми многими писателями для создания речевого портрета персонажей.

1.1.2. Эффективность коммуникации и коммуникативные неудачи

Коммуникативные неудачи (КН) типичны для бытового дискурса, поскольку наиболее часто они возникают в неподготовленной спонтанной устной речи, а естественное общение часто сопряжено с возникновением непонимания, неумением услышать или выразить мысль.

Под коммуникативной неудачей понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения, говорящего» [Ермакова, Земская 1993: 31].

Как уже было сказано выше, процесс общения направлен на достижение прагматических и коммуникативных целей, что становится невозможным при возникновении коммуникативной неудачи. На

возникновение КН указывает ответная реакция партнера, которая также может отсутствовать, если партнер не услышал реплику или не счел нужным отвечать на нее, либо может противоречить ожиданиям говорящего.

КН может быть, как неполной, когда ее возникновение не приводит к полному нарушению коммуникации или конфликту, так и полной. Оба типа КН могут возникать как по вине говорящего, так и по вине слушающего.

КН исследуются в теории речевых актов, в рамках которой созданы различные типологии сбоев, возникающих в коммуникации. Одна из первых типологий КН была предложена Дж. Остином в работе «Слово как действие» («How to Do Things with Words»). Исследователь разделяет КН на осечки, когда действие подразумевается, но оказывается пустым, и злоупотребления, при которых действие осуществляется, но не реализуется [Austin 1962: 18].

Б. Бара, понимая под КН неудавшуюся попытку произвести определённый коммуникативный эффект на собеседника, выделяет следующие типы КН: непонимание, неправильное истолкование и неприятие.

Непонимание возникает при неспособности адресата понять значение того, что говорит собеседник. При этом, адресат осознает возникновение коммуникативной неудачи, на что указывает его реакция (переспрос, уточнение и т.п.)

Неправильное истолкование. Адресат вкладывает в высказывание значение, отличное от запланированного говорящим. В данном случае адресат не осознает возникновение КН.

При неприятии адресат понимает то, что хочет донести до него собеседник, но отказывается соглашаться с его точкой зрения. КН очевидна для адресата, поскольку он принимает осознанное решение [Bara 2010: 195].

Однако данная классификация не затрагивает прагматический и языковой аспект коммуникации, что недостаточно для проведения лингвистического анализа.

Среди причин КН обычно выделяют: нарушение этикетных формул, несовпадение картин мира участников коммуникации; неверное понимание речевой интенции партнера; неточности и недосказанности. Причина КН также может быть связана с самой природой единиц языка: метафоричностью, многозначностью слова, употреблением окказионализмов, интерференцией родного языка на разных уровнях системы языка [Формановская 2002: 170-174].

Согласно О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской причины возникновения КН обусловлены тремя факторами. К ним относятся языковые факторы (омонимия, многозначность и т.д.), психологические факторы (несовпадение картин мира собеседников, различие в восприятии действительности, характерах, темпераменте и т.д.), а также прагматические факторы (игнорирование одним из речевых партнеров прагматической составляющей в семантике слова) [Ермакова, Земская 1993: 33].

Данная классификация КН совпадает с точкой зрения С. Е. Бугровой, которая предлагает классифицировать КН согласно лингвистическим и экстралингвистическим факторам их возникновения. Именно эта классификация используется в данном исследовании.

Среди лингвистических факторов выделяют выбор лексических, грамматических и синтаксических средств выражения, звуковое и интонационное оформление.

К экстралингвистическим факторам относятся: социокультурные характеристики (социальный статус); психофизиологические характеристики (отношение к окружающей действительности, фоновые

знания, физическая и психическая способность к коммуникации, готовность к общению и др.); прагматические факторы (ситуация общения) [Бугрова 2012: 24].

Следует также отметить, что сбои в коммуникации могут происходить как при общении коммуникантов, принадлежащих к одной культуре и являющимися носителями одного языка, так и при межкультурной коммуникации. Так, при столкновении разных дискурсивных систем может проявляться контраст между языками или слияние языков, может возникать лингвокультурная интерференция или столкновение концептуальных систем человека [Поспелова, Кондрашова 2014: 184].

Возникновение сбоев в коммуникации в художественных произведениях рассматривается в работах Е. В. Падучевой. Исследование проводится на примере сказок Льюиса Кэрролла. Отмечается, что «источники коммуникативных затруднений обычно чисто языковые, так что собственно лингвистические аспекты коммуникации предстают в более чистом виде» [Падучева 1982: 186]. Автором выделяются коммуникативные неудачи, вызванные нарушением вещественных предпосылок коммуникации (нарушение языкового кода, отсутствие связности диалога, различие моделей мира), нарушением условий успешности иллокутивных актов, нарушением постулатов коммуникации, нарушением презумпций в значении слов и конструкций.

Еще одним исследованием, представляющим интерес для настоящей работы, является труд В. С. Лукьяновой, посвященный изучению коммуникативных неудач в комедии абсурда. Исследователь обращает внимание на то, что большая часть каламбуров в текстах комедии абсурда вызваны сбоями в коммуникации, источником которых служит сбивчивость мышления героев. Также в исследовании подчеркивается важность передачи функциональной нагрузки каламбура при переводе на другой язык, поскольку она имеет большую эстетическую и художественную

значимость для правильного и глубокого осмысления целого произведения драмы абсурда [Лукьянова 2002: 103].

На примере этих двух исследований можно сделать вывод о том, что коммуникативная неудача может использоваться в качестве эффективного средства создания прагматического потенциала художественного произведения. В том числе явление коммуникативной неудачи может использоваться авторами для передачи комического или эстетического эффекта, а также служить одним из языковых средств создания речевого портрета персонажей.

1.2. Личностный аспект коммуникации

Интеграция различных областей знаний уже давно не является новым феноменом в современной науке. Данный процесс не обошел стороной и лингвистику. Появились такие направления как, нейролингвистика, психолингвистика, социолингвистика, прагмалингвистика, лингвокультурология и др. Нельзя не заметить, что современная лингвистика, тесно пересекаясь с другими науками, становится одним из направлений антропологии. В частности, в лингвистическом обиходе появилось понятие личности, которое раньше входило в концепции философии, социологии, психологии и других дисциплин, изучающих человека. Введение данного понятия в лингвистическую прагматику дает возможность говорить о том, что «язык принадлежит прежде всего и главным образом личности, осознающей себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и языковом общении, свое отношение к принятым принципам и конвенциям ведения дискурса, творчески использующей их в своих предметных и речевых действиях» [Сусов, 2006: 163].

Еще раз обратимся к постулатам коммуникативной лингвистики: «исследовательские модели коммуникации основаны на учете трех параметров общения – личности, концептов и дискурса» [Карасик, 2009: 268]. Следовательно, учет характеристик личности является неотъемлемой частью изучения языкового сознания и коммуникативного поведения. Личность ведет дискурс, выбирая определенные речевые ходы, принимая на себя те или иные коммуникативные роли, задавая тему и регистр общения, регулируя течение дискурса, владея речевой ситуацией. Личность является частью дискурса и создает этот дискурс. Следовательно, индивидуальные особенности, присущие личности одновременно влияют на дискурс и проявляются в нем.

Таким образом, «языковая личность» становится одним из ключевых понятий современной лингвистики.

1.2.1 Понятие языковой личности

Изучением языковой личности (ЯЛ) занимается лингвоперсонология. Основателем данного направления отечественной лингвистики является Ю. Н. Караулов, который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1989b: 3]. Однако понятие языковой личности появляется еще в начале XX века в работах В. В. Виноградова. Например, исследователем отмечается, что при изучении словесного творчества личности "...социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности" [Виноградов 1980: 91]. Тем не менее, толкование нового термина данным исследователем представлено не было.

Определения ЯЛ можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся дефиниции, связанные со способностью языковой

личности создавать и воспринимать речевые произведения. Ко второй группе относятся определения, связывающие ЯЛ с окружающим языковым пространством. И, наконец, в третью группу входят определения, рассматривающие ЯЛ как систему.

К определениям первой группы относится вышеуказанное определение Ю. Н. Караулова, с которым также перекликается дефиниция Г. И. Богина, понимающего под ЯЛ человека, рассматриваемого «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1982: 1], однако в данном случае ЯЛ не только порождает речевые произведения, но также обладает способностью их воспринимать.

Отсюда вытекают и другие определения, так или иначе включающие способность к речевой деятельности, например, «языковой личностью считается субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя смысловыми образованиями» [Клюканов 1990: 73]; «личность, владеющая совокупностью дискурсных способностей...» [Пушкин 1990: 52]; «...языковая личность рассматривается... как носитель языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развивающегося в соответствии с заложенным в ней потенциалом» [Голев 2006: 10]. В последнем из приведенных определений подчеркивается динамика развития языковой способности.

В определении О. А. Еремеевой, которое входит во вторую группу, также затрагивается упомянутая способность, но при этом здесь прослеживается связь между ЯЛ и окружающим языковым пространством: «под языковой личностью понимается индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива» [Еремеева 1991: 434].

В этом смысле определение В. И. Карасика представляется более широким: «языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002: 7].

Третья группа представлена следующими определениями: «языковая личность – это многомерная, многоуровневая функциональная система, дающая представление о степени владения языком и речью индивидом на уровне активного и творческого осмысления действительности» [Барсукова 2007: 5]; «это устойчивая система логико-лингвистических форм, структурирующих внутреннюю и внешнюю активность индивида» [Бороденко 2001: 212]; «динамическая система, характеризующаяся особым соотношением различных... параметров.... Языковая личность выступает также и как функциональная система...» [Ерошенко 2003: 20].

Таким образом, не трудно заметить, что в научных исследованиях на данный момент нет единой трактовки языковой личности. В данном исследовании мы будем придерживаться концепции Ю. Н. Караулова, поскольку она является наиболее общей и фундаментальной.

По определению Ю. Н. Караулова, ЯЛ представляет собой «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, письмо и чтение), а с другой стороны – по уровням языка (фонетике, грамматике и лексике)» [Караулов 1987: 29].

Согласно данной концепции ЯЛ разделяется на три уровня: Лексикон или вербально-семантический уровень, лингво-когнитивный уровень или тезаурусный уровень и мотивационно-прагматический уровень или прагматикон.

Кодирование и декодирование информации происходит на всех трех уровнях, следовательно, анализ всех уровней ЯЛ может дать представление о мировоззрении человека.

При изучении феномена ЯЛ исследователи часто прибегают к приему речевого портретирования, поскольку данный метод исследования ЯЛ на данный момент является одним из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике.

1.2.2. Речевой портрет

Согласно С. В. Леорда речевой портрет (РП) – «это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности» [Леорда 2006: 6]. Однако, как и в случае с языковой личностью, данное определение является не единственным.

По мнению В. И. Карасика и О. А. Дмитриевой, речевой портрет – это «систематическое описание особенностей коммуникативного поведения» человека [Карасик, Дмитриева, 2005: 21]. РП может быть, как индивидуальным, так и коллективным. Данное определение соотносится с пониманием речевого портретирования Л. П. Крысина, который говорит о том, что по своей сути описание коммуникативного поведения является социально-речевым портретом, «поскольку каждый из портретов отражает особенности речи *определенной общественной среды* (представителем которой является «портретируемый»)» [Крысин 2001: 91].

О. Г. Алюнина под целостным РП языковой личности понимает иерархически организованную структуру, которая включает социопсихолингвистический портрет, особенности речевого портрета на уровне его лексикона, особенности речевой культуры [Алюнина 2010]. Данная трактовка является более комплексной и подробной в отличие от предыдущих и соотносится с трехуровневой моделью языковой личности.

Не менее важным представляется разграничение понятия «речевой портрет» со смежными понятиями, такими как «лингвокультурный типаж» и «речевое поведение», проведенное С. О. Макеевой. Согласно исследованию автора, лингвокультурный типаж представляется более широким понятием: речевой портрет не является его деталью, он вполне автономен, но может «укладываться» в модель типажа подобно матрешке» [Макеева 2014: 80]. Этому же мнению придерживаются уже упомянутые выше В. И. Карасик и О. А. Дмитриева, которые полагают, что речевое портретирование лингвокультурного типажа является продуктивным исследовательским приемом, «если, разумеется, такой типаж не относится к исторической архаике и допускает изучение посредством наблюдения» [Карасик, Дмитриева 2005: 22].

Что касается изучения речевого поведения, то его, согласно С. О. Макеевой, «следует считать одним из структурных уровней речевого портрета; тем не менее, при обширной практике аспектных фрагментарных исследований РП, термины в ряде случаев уместно рассматривать как контекстные аналоги» [Макеева 2014: 83].

С. О. Макеевой также предлагаются постулаты, которые могут быть использованы для разграничения РП и ряда смежных понятий: 1) Речевое портретирование как процедура опирается на факты, доступные непосредственному наблюдению. 2) Материалом речевого портрета является полный набор дискурсивных практик. 3) Речевой портрет моделируется социальной группой в ходе реализации стратегии социальной идентичности, моделируется СМИ и политическими имиджмейкерами, самим индивидом как представителем той или иной социальной общности. [Макеева 2014: 83]

Опираясь на данные положения, можно сделать вывод о том, что наиболее удачной трактовкой РП является определение Е. Д. Павлычевой, которая определяет речевой портрет как «совокупность личностно-

коммуникативных языковых черт индивида, представленных в виде открытой модели, отражающей как индивидуальное восприятие, так и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры» [Павлычева 2016: 148], а также предлагает методику поэтапного анализа понятия. На первом этапе данный анализ предполагает изучение специфических особенностей языковых единиц разных уровней. Вторым этапом представляется приёмы, составляющие процедуру определения стилей речевого поведения, анализ присутствия таких стилистически окрашенных явлений, как «формулы этикета», «клише системообразующих речевых выражений», «языковая игра», «жаргон» (социальный и профессиональный) и т.д. Третий этап включает приёмы анализа, с помощью которых могут быть определены лингвокультурологические особенности РП. И, наконец, четвертым этапом представляется приёмы, дающие возможность проведения процедур анализа особенностей внимания личности на саму себя и на своё сознание, а также на результаты собственной деятельности и на их переосмысление. Основные параметры анализа речевого портрета, предложенные Е. Д. Павлычевой, представлены в Приложении 1 [Павлычева 2016: 147].

Большим преимуществом такой модели анализа РП заключается в том, что она учитывает все три уровня языковой личности, описанных Ю. Н. Карауловым, а именно вербально-семантический, когнитивный и прагматический, а значит такой анализ будет наиболее полным и всеобъемлющим.

Другие исследователи также предлагают проводить анализ РП через характеристику разных уровней речевой реализации, но при этом описание абсолютно всех слоев языка не является обязательным условием, так как «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [Николаева 1991:73].

Так, например, М. Н. Гордеева вслед за Л. П. Крысиным предлагает рассматривать РП с двух сторон, а именно с точки зрения особенностей использования языковых единиц и с точки зрения особенностей речевого поведения.

Анализ особенностей использования языковых единиц включает описание специфических фонетических (произношение отдельных звуков, логопедические отклонения, акцент, особенности интонации и т.д.) и лексических единиц (лексические повторы, использование диминутивов, стилистически сниженной, оценочной лексики и т.д.), которые «легко зафиксировать в речи носителей нелитературных форм языка. Существование единой нормы в литературном языке снижает, но не исключает вероятность появления специфических языковых единиц в речи его носителей» [Гордеева 2008]. Также сюда следует добавить и анализ грамматического уровня языка (неправильное употребление грамматических категорий и т.п.).

Анализ особенностей речевого поведения предполагает выделение трех стереотипов: речевого, представляющего собой чужую речь, используемую говорящим, коммуникативного – клишированные обороты, применяемые в одних и тех же ситуациях, и ментального, подразумевающего привычные реакции в языковой и неязыковой форме [там же]. Л. П. Крысин предлагает следующие категории анализа: использование прецедентных феноменов, что соответствует речевому стереотипу; формулы общения (коммуникативный стереотип) и языковая игра (речевой и ментальный стереотипы).

Под прецедентными феноменами понимаются «разного рода «готовые», не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства, начиная от фразеологизмов и кончая разного рода художественными текстами» [Крысин 2001: 103]. Говоря о формулах общения, Л. П. Крысин имеет в виду формулы, обслуживающие общение

людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях: в магазине, в автобусе, у железнодорожной кассы, на приеме у врача, при общении со случайным прохожим и т.п. Данные формулы общения возникают в связи с умением переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. В понятие языковой игры исследователь включает «такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п.» [Крысин 2001: 105].

Следует отметить, что подобное описание РП не включает анализ прагматического уровня языковой личности, т.е. анализ соответствия языковых средств коммуникативным намерениям личности, однако подобный метод фрагментарного речевого портрета может быть использован в условиях ограниченности материала, что не позволяет показать ЯЛ во всем многообразии, а также в условиях слабой индивидуализации некоторых языковых ярусов.

Таким образом, результаты анализа речевого портрета или речевого поведения какого-либо персонажа необходимо учитывать при осуществлении перевода художественного произведения на русский язык с целью сохранения уникальных или, наоборот, типичных черт персонажа, его колоритности, оригинальности его личной картины мира, его психофизиологических, социокультурных, лингвистических особенностей. Другими словами, сохранение коммуникативного эффекта, а значит достижение переводческой адекватности и эквивалентности невозможно без правильного понимания и осмысления речевого поведения персонажа.

1.3. Прагматика перевода и переводческая эквивалентность

Знак, как любой текст или высказывание, обладает способностью оказывать на рецептора определенное прагматическое воздействие или коммуникативный эффект. Согласно В. Н. Комиссарову, характер такого воздействия зависит от трех факторов, а именно от содержания высказывания, характера составляющих высказывание знаков (оформление высказывания) и рецептора, воспринимающего высказывание. Таким образом, «высказывание обладает прагматическим потенциалом, который по-разному реализуется в конкретных актах коммуникации» [Комиссаров 2002: 135].

Любое высказывание создается с целью достижения какого-либо коммуникативного эффекта, поэтому прагматический потенциал является важнейшей частью содержания высказывания. Соответственно, в зависимости от цели перевода в задачи переводчика входит передача аналогичного коммуникативного эффекта путем воспроизведения прагматического потенциала оригинала, либо за счет его видоизменений, т.е. «установление необходимого прагматического отношения Рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода» [Комиссаров 1990: 210].

Следует отметить, что прагматическая адекватность перевода не всегда заключается в полном сохранении прагматики исходного текста, поэтому прагматика оригинала и перевода могут различаться. Немецкий переводовед А. Нойберт предложил классифицировать тексты в зависимости от прагматических отношений перевода и оригинала. В данной классификации выделяются следующие 4 типа текстов: тип I включает тексты, преследующие схожие цели для аудиторий ИЯ и ПЯ (научные, технические, рекламные тексты), которые обладают высокой степенью переводимости; тип II — тексты, отвечающие специфическим потребностям

аудитории ИЯ (наставления, официальные распоряжения, объявления и т.п.), являются непереводаемыми; к типу III относится художественная литература — она может выражать общечеловеческие потребности, объединяющие аудитории ИЯ и ПЯ, и считается ограниченно переводимой; тип IV — тексты, заранее предназначенные для перевода на ПЯ и для аудитории ПЯ, обладают высокой степенью переводимости [Нойберт 1978: 197-200].

Итак, художественная литература, по мнению, А. Нойберта относится к текстам с ограниченной переводимостью с точки зрения прагматики, что объясняется наличием разного рода реалий, описаний фактов и событий, связанных с историей данного народа, различных литературных ассоциаций, широкого ряда средств оформления эстетической информации, в том числе и языковых средств создания литературных типажей, используемых автором для создания определенного коммуникативного эффекта, а именно окказионализмы, игра слов, диалектизмы, контаминированная речь, метафоры, ирония и др.

Для передачи прагматического потенциала исходного текста переводчик может прибегать к различным стратегиям, приемам и преобразованиям, к которым относится прагматическая адаптация.

1.3.1. Прагматическая адаптация в переводе

Прагматика как отношение между знаком и участниками коммуникации отличается двусторонней структурой, поскольку знак одновременно обращен к обоим участникам общения, то есть и к отправителю сообщения, и к получателю. В ситуации перевода данная структура становится еще более сложной, так как переводчик сам выступает в качестве нового участника коммуникации, являясь автором сообщения, адресованному новому получателю, отличному от получателя

оригинального текста по социальным, этническим, культурным и другим характеристикам.

Переводчик может ориентироваться на автора исходного текста, как бы отождествляя себя с ним и нового получателя с получателем оригинального произведения, либо ориентироваться только на нового получателя. В теории перевода данные переводческие стратегии, основанные на идеях Ф. Шлейермахера и в дальнейшем сформулированные в трудах Л. Венути, получили название форенизации и доместикации [Venuti 1998]. Для разграничения этих двух понятий Ф. Шлейермахер использует следующую метафору: «Переводчик либо оставляет писателя в покое и приближает читателя к писателю; либо он оставляет читателя в покое и приближает писателя к читателю» [Schleiermacher 2012: 49]. Следовательно, форенизация предполагает сохранение языковых и культурных ценностей оригинального текста, при этом могут нарушаться общепринятые нормы языка перевода. При использовании доместикации переводчиком создается более понятный для восприятия новым рецептором текст по сравнению с форенизацией, но лингвокультурные особенности оригинала могут редуцироваться или сглаживаться.

В отношении прагматики в случае с форенизацией переводчиком осуществляется прагматическое уподобление переведенного текста оригинальному с целью передачи аналогичного коммуникативного эффекта. При использовании стратегии доместикации переводчик сознательно изменяет коммуникативный эффект оригинала, чтобы он мог соответствовать новой коммуникативной ситуации. В этом случае можно говорить о прагматическом преобразовании.

Н. К. Гарбовский выделяет два типа преобразований на прагматическом уровне: прагматические и прагматически обусловленные. Преобразования первого типа «изменяют прагматическое значение оригинала и могут вывести перевод к границе адекватности, т.е. приблизить

его к другим видам межъязыкового посредничества», в то время как преобразования второго типа «направлены именно на сохранение коммуникативного эффекта оригинального текста и являются средством достижения прагматического значения» [Гарбовский 2004: 397]. Прагматические преобразования затрагивают весь текст в целом, в то время как прагматически обусловленные преобразования могут затрагивать лишь отдельные элементы смысла исходного сообщения, но при этом преследуют цель сохранения в переводе смыслового целого.

Таким образом, прагматический аспект перевода, т.е. передача в переводе коммуникативного эффекта оригинального текста, обуславливает большинство переводческих трансформаций, которые позволяют сохранить прагматическое значение исходной единицы при полном или частичном изменении семантических и синтаксических значений. Прагматически обусловленные преобразования могут потребоваться при переводе идиоматических выражений, реалий, топонимов, образных и клишированных выражений, омонимов и т.п.

К числу прагматически обусловленных преобразований относится прием прагматической адаптации. Прагматическая адаптация перевода — «преобразование исходного высказывания с учетом передачи его *прагматического значения*» [Нелюбин 2003: 163], в результате таких преобразований происходит изменение в самой предметной ситуации.

В основе адаптации как способа сохранения в тексте перевода прагматического значения оригинального текста лежит представление о том, что некоторые предметные ситуации, представленные в оригинальном речевом произведении, могут быть неправильно истолкованы рецептором текста перевода. Соответственно, текст не сможет вызвать необходимый коммуникативный эффект из-за наличия непривычных, чуждых, или даже враждебных культуре рецептора предметов и явлений. Теоретическое обоснование адаптации представлено в трудах Ю. Найды в рамках

динамической эквивалентности. Центральным понятием этой концепции является «реакция рецептора», которая признается главным критерием оценки качества перевода.

Положительное свойство этого приема заключается в облегчении понимания смыслов оригинального произведения, путем нивелирования межкультурных различий. Однако адаптацию следует использовать с осторожностью, поскольку она является наиболее кардинальным переводческим преобразованием, которое предполагает замену самой предметной ситуации, что может деформировать представления об иностранной культуре.

Как правило, адаптация используется для обработки текстов для детей и текстов для носителей иной культуры (лингвоэтническая адаптация). При адаптации художественных произведений для детей происходит упрощение образной системы, специальная лексика заменяется на общезыковую или объясняется в примечаниях, сложные синтаксические структуры становятся более простыми. В свою очередь лингвоэтническая адаптация заключается «не в упрощении лексического и грамматического состава текста, а в приемах, направленных на облегчение восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений» [Алексеева 2004: 24].

Адаптация достигается за счет добавления в текст перевода дополнительных элементов или их опущения, а также путем применения семантических трансформаций. В рамках данного исследования будут рассматриваться следующие семантические трансформации:

Добавления. Данный прием подразумевает введение в текст перевода информации, не содержащейся в тексте оригинала, и обусловлен отсутствием у рецептора перевода необходимых фоновых знаний. Применение этого приема можно рассматривать как «перевод с некоторой дополнительной прагматической обработкой транслируемого материала в

соответствии со специфическими потребностями адресата» [Латышев 2003, 35].

Опущения. Прием заключается в пропуске смысловых компонентов оригинала и применяется в случаях избыточности информации, которая влечет за собой нарушение норм русского языка.

Конкретизация. Семантическая трансформация по сужению значения исходной единицы, которая подразумевает замену видового понятия родовым.

Генерализация. Прием обратный конкретизации.

Антонимический перевод. Данная семантическая трансформация предполагает замену отрицательной конструкции на утвердительную, или, наоборот, утвердительной на отрицательную с тем же значением.

Смысловое развитие. Данный прием заключается в «замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним» [Рецкер 2007: 51].

Целостное переосмысление (преобразование). Подразумевает «использование в переводе вновь создаваемого контекстуального соответствия оригиналу в рамках конкретной речевой ситуации» [Корячкина 2017: 96].

Компенсация. Представляет собой «способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [Комиссаров 1990: 185].

Как правило, семантические преобразования редко встречаются в чистом виде, более типичны комбинации различных видов трансформаций.

1.3.2. Проблема переводческой эквивалентности

Понятие эквивалентности является одной из центральных категорий современного переводоведения. Существует множество определений данного понятия, однако привести их все в рамках данного исследования представляется невозможным. Далее будут рассмотрены дефиниции и классификации типов эквивалентности, представляющих ценность для настоящего исследования.

Я. И. Рецкером была разработана теория закономерных соответствий, в рамках которой под эквивалентом понимается «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер 2007: 13], эквивалент может быть полным или частичным, абсолютным или относительным. Помимо эквивалентов, Я. И. Рецкером также выделяются вариантные и контекстуальные соответствия и переводческие трансформации. Однако понятие эквивалентности в данном случае распространяется лишь на микроединицы текста.

Выше уже упоминалась концепция так называемой «динамической эквивалентности» Ю. Найды, который определяет ее как «качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов» [Nida 1969: 200]. При этом под реакцией понимается общее восприятие сообщения. Понятие «динамическая эквивалентность» противопоставляется понятию «формальное соответствие», т.е. механическому воспроизведению форм исходного речевого произведения в ПЯ, которое искажает смысл сообщения и приводит к его неправильному восприятию. Преимуществом данной концепции является учет коммуникативной ситуации в качестве существенного компонента перевода, однако, несмотря на этот факт, концепция Ю. Найды подвергается критике со стороны А. Д. Швейцера, который считает, что «наиболее слабым звеном в предложенной Ю. Найдой

дефиниции эквивалентности является неясность самого статуса данного понятия» [Швейцер 1988: 79].

Еще одно определение переводческой эквивалентности предложено Г. Егером: «это отношение между текстом на исходном языке и текстом на языке перевода, которое возникает в тех случаях, когда при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной изначальная коммуникативная ценность текста». [Jäger 1975: 87]. На наш взгляд такое определение является наиболее удачным, поскольку в нем прослеживается связь между инвариантностью коммуникативной ценности оригинала и эквивалентности.

Что касается типов или уровней эквивалентности, то наиболее детальная классификация была предложена В. Н. Комиссаровым. Исследователь выделяет следующие уровни эквивалентности: уровень цели коммуникации, уровень описания ситуации, уровень способа описания ситуации, уровень структуры высказывания, уровень лексико-семантического соответствия [Комиссаров 2002: 121-134]. Сохранение всех уровней эквивалентности позволяет достичь максимальной близости перевода к исходному тексту.

Отдельный интерес представляет классификация уровней эквивалентности, предложенная В. Г. Гак. Исследователь утверждает, что «общность (инвариант) эквивалентов, которыми пользуется переводчик при переводе может устанавливаться на различных уровнях и заключаться либо в подобии языковых форм, либо в общности значений при формальном расхождении языковых средств, либо, наконец, в общности описываемой ситуации» [Гак 200: 10]. Таким образом, выделяются три модели перевода (формальная, смысловая и ситуационная) и три соответствующих уровня эквивалентов:

- 1) Формальный эквивалент – общие значения в двух языках выражаются аналогичными языковыми формами.
- 2) Смысловой эквивалент – одни и те же значения выражаются в двух языках различными способами.
- 3) Ситуационный эквивалент – не только языковые формы, но даже выражаемые ими элементарные значения различны в двух высказываниях, которые, однако, описывают одну и ту же ситуацию.
[Там же]

Как правило, переводчик стремится подобрать формальный эквивалент, однако различные ситуации могут заставить переводчика обратиться к поиску эквивалентов по смыслу или по ситуации.

В данной концепции прагматический уровень выводится за пределы эквивалентности и переносится в сферу адекватности перевода. Как уже упоминалось выше, прагматика определяет отношения знака с участниками коммуникации, к которым относится и переводчик. Поэтому адекватность перевода определяется именно взаимодействием переводчика с автором оригинала и получателем текста перевода, которое изменяется от условий и целей перевода, а также от умения переводчика передать коммуникативный эффект. Что касается эквивалентности перевода, то она определяется собственно текстовыми категориями, т.е. семантическим и синтаксическим уровнями.

Таким образом, если достигнут коммуникативный эффект и передано прагматическое значение, то перевод может считаться адекватным даже при отсутствии эквивалентности на семантическом и синтаксическом уровнях. При этом, перевод оказывается не только адекватным, но и в разной степени эквивалентным, если эквивалентность достигнута на семантическом и синтаксическом уровнях.

Выводы по главе I

1. В рамках данного исследования рассматривается бытовой дискурс, под которым понимается коммуникативно-прагматическая деятельность, реализуемая участниками общения в рамках неофициальной ситуации.
2. Любое общение преследует определенные коммуникативные цели, достижение которых зависит от соблюдения определенных правил, в частности, принципов кооперации, вежливости и конвенциональности.
3. При нарушении указанных принципов могут происходить сбои в коммуникации, или коммуникативные неудачи, определяемые как полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего. Их возникновение может быть вызвано рядом факторов, разделяющимися на лингвистические и экстралингвистические.
4. Явление коммуникативных неудач активно используется авторами художественных произведений, в том числе и для создания речевого портрета персонажей, что необходимо учитывать при переводе.
5. Личность и дискурс являются взаимосвязанными понятиями, поскольку индивидуальные особенности личности одновременно влияют на дискурс и проявляются в нем, а значит на основе дискурса можно провести анализ языковой личности.
6. Существует целый ряд различных определений понятия «языковая личность», трактовка данного понятия как многослойного и многокомпонентного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, является наиболее удачной для данного исследования;

7. Модель языковой личности состоит из трех уровней: вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационно-прагматического;
8. Наиболее эффективным средством описания языковой личности является речевой портрет, под которым понимается совокупность личностно-коммуникативных языковых черт индивида, представленных в виде открытой модели, отражающей как индивидуальное восприятие, так и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры;
9. Для более полноценного и всеобъемлющего анализа речевого портрета необходимо учитывать все три уровня языковой личности, тем не менее в определенных случаях может быть проведено фрагментарное речевое портретирование.
10. Каждое речевое произведение обладает определенным прагматическим потенциалом, или коммуникативным эффектом, сохранение которого является одной из важнейших задач переводчика. Для выполнения данной задачи переводчик может прибегнуть к приему прагматической адаптации, под которой понимается преобразование исходного высказывания с учетом передачи его прагматического значения.
11. Одним из важнейших аспектов перевода является понятие эквивалентности, поскольку сохранение всех уровней эквивалентности позволяет достичь максимальной близости к оригиналу на уровне семантики и синтаксиса.
12. Прагматический уровень переносится из понятия эквивалентности в сферу адекватности перевода, которая определяется умением переводчика передать коммуникативный эффект.

Глава II. Особенности перевода языковых средств создания литературных типажей «ребенок», «иностранец» и «малообразованный человек» в английской литературе

2.1. Особенности перевода языковых средств создания литературного типажа «ребенок»

В рамках данного исследования для анализа речевого поведения литературных типажей применяется метод фрагментарного анализа речевого портрета, основанный на параметрах анализа Е. Д. Павлычевой (см. Приложение 1). Выбор метода анализа обусловлен потенциально возможной слабой индивидуализацией некоторых языковых слоев литературных типажей.

2.1.1. Речевое поведение литературного типажа «ребенок»

Анализ речевого поведения литературного типажа «ребенок» проводится на примере персонажа серии книг о медвежонке Паддингтоне авторства М. Бонда. Паддингтон может рассматриваться по своему речевому поведению и как ребенок, и как иностранец, однако черты, свойственные ребенку, выражены в большей степени.

На уровне лексикона языковой личности данного персонажа можно отметить, что Паддингтон владеет фонетической и грамматической стороной языка на уровне носителя языка, несмотря на то, что по сюжету приехал в Англию из другой страны. Отклонения от норм фонетической стороны языка наблюдаются в редких случаях, кроме того, они больше связаны с прагматикой, а не с недостаточным владением языком, что типично для литературного типажа данного типа. Интересно также отметить, что фонетические особенности персонажа, а именно опущение согласного звука /h/ ('alf price) свойственно носителям английского языка, принадлежащим к низшим социальным классам (lower class). Что касается лексического уровня, то здесь следует отметить, что несмотря на

обширность вокабуляра, у персонажа довольно часто возникают сложности с определением значения слов, особенно это относится к многозначным словам, омофонам и фразеологическим оборотам. Подобные сложности лексического характера часто приводят к коммуникативным неудачам, связанным, как правило, с неверным восприятием лексического содержания высказывания.

На уровне тезауруса языковой личности Паддингтон придерживается общенормативных разговорных формул и клишированных речевых оборотов. Встречаются редкие случаи употребления разговорной лексики и окказионализмов.

На прагматическом уровне литературный типаж «ребенок» отличается тем, что в его дискурсе часто встречаются коммуникативные неудачи, вызванные неправильным пониманием иллокутивной силы высказываний. Неправильное восприятие Паддингтоном интенции партнера влияет на перлокутивный эффект воспринимаемых высказываний, что часто является причиной возникновения комических ситуаций.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что при переводе речи литературного типажа «ребенок» особое внимание следует уделять лексической и прагматической составляющим, а основным языковым средством создания данного литературного типажа являются коммуникативные неудачи различных типов.

К языковым средствам создания литературного типажа «ребенок» в рамках данного исследования относятся коммуникативные неудачи, вызванные как лингвистическими (выбор интерпретация лексических средств выражения), так и экстралингвистическими факторами (прагматические факторы и психофизиологические характеристики). Данные факторы можно соотнести с лингвистической, интерактивной и энциклопедической компетенциями, выделяемые В. В. Богдановым

(см. с. 11). К коммуникативным неудачам, обусловленным недостаточной лингвистической компетенцией относятся неправильный выбор языковых средств и неверная интерпретация из-за незнания лексической единицы. Недостаточной энциклопедическая компетенция проявляется в недостатке фоновых знаний, а интерактивная – в нарушении принципов общения.

2.1.2. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной лингвистической компетенцией

Пример 1

<p><i>'I'd like to leave all my <u>interest</u> in, please,' explained Paddington. 'In case it rains.'</i></p> <p><i>'Well,' said the man in a superior tone of voice as he made some calculations on a piece of paper. 'I'm afraid you won't keep very dry on this. It only comes to threepence.'</i></p> <p><i>'What!' exclaimed Paddington, hardly able to believe his ears. 'Threepence! I don't think <u>that's very interesting.</u>'</i></p> <p><i>'Interest isn't the same thing as interesting.'</i></p> <p>(ВРА)</p>	<p>– Я хотел бы, если можно, оставить на счету <u>проценты</u>, – объяснил Паддингтон. – На чёрный день.</p> <p>– Боюсь, – довольно надменно сказал дяденька, подсчитав что-то на листочке бумаги, – что много светлее он от этого не станет. Ваши проценты составляют всего три пенса.</p> <p>– Что?! – возмущённо воскликнул Паддингтон. – Три пенса?! <u>Знал бы я, как оно у вас тут в банке, держал бы деньги в своей собственной банке. Из-под мармелада...</u></p> <p>– <u>Банк и банка</u> – совсем разные вещи. (БПГ)</p>
--	--

В данном примере коммуникативная неудача вызвана **неверной интерпретацией** многозначной лексической единицы 'interest' – 1) интерес, заинтересованность; 2) проценты. Коммуникант «ребенок», интерпретирующий данное слово в первом значении, создает ненамеренную игру слов (interest – interesting), которая вызывает комический эффект. Поскольку в русском языке слово «процент» не имеет схожей многозначности, а значит, подобная игра слов с ним невозможна, для сохранения прагматического эффекта переводчик прибегает к приему **целостного преобразования**. Ответная реплика возмущения (*'Threepence! I don't think that's very interesting.'*), в которой реализуется основанная на

многозначности игра слов, заменяется высказыванием с омоформами *банк* и *банка* для создания игры слов в русском языке и передачи эмотивной реакции коммуниканта. Соответственно, данное преобразование также переносится и на следующее высказывание (*'Interest isn't the same thing as interesting'*).

Пример 2

<p><i>'Can't get right up to the gates, I'm afraid. There's a bit of an obstruction. But it's only a few yards up the road. Can't miss it. Just follow yer nose.'</i></p> <p><i>The driver paused and looked down out of his cab with growing concern as Paddington, after stepping down on to the pavement, began twisting about for several seconds and then suddenly fell over and landed with a bump in the gutter.</i></p> <p><i>'Ere,' he called anxiously. 'Are you all right?'</i></p> <p><i>'I think so,' gasped Paddington, feeling himself to make sure. 'I was only trying to follow my nose, but it kept disappearing.'</i></p> <p>(BPM)</p>	<p><i>Ближе к воротам мне не подобраться, уж прости – видал, чего там понаворочено! Вон они, ворота, чуть подальше. Не промахнёшься. Держи нос по ветру – и вперёд.</i></p> <p><i>Шофёр замолчал и с некоторой тревогой взглянул на медвежонка, который, выпрыгнув на тротуар, вдруг завертелся волчком, оступился и бухнулся в придорожную канаву.</i></p> <p><i>– Эй! – крикнул шофер. – Все в порядке?</i></p> <p><i>– Кажется, – пропыхтел Паддингтон, ощутив себя на всякий случай. – Я попытался держать нос по ветру, а нос куда-то убежал... (БПС)</i></p>
---	--

На появление коммуникативной неудачи в данном случае повлияли лингвистические факторы, связанные с **неверной интерпретацией** фразеологического словосочетания 'follow one's nose' – «идти прямо вперёд; руководствоваться чутьём». Для передачи недопонимания переводчик прибег к **целостному преобразованию** и нашел фразеологизм, содержащий сему движения и слово «нос», а именно «держать нос по ветру». Данный фразеологизм не является эквивалентом исходного фразеологизма и имеет другое значение (изменять свои убеждения, менять своё поведение в зависимости от обстановки), однако в данном контексте обладает необходимой многозначностью для передачи прагматического потенциала текста, а именно комической ситуации.

Пример 3

<p><i>[...] I suppose you've left yer Rolls round the corner?'</i> <i>'My rolls?'</i> said Paddington, looking most surprised. <i>'I didn't bring any rolls. Only some cocoa. I thought I was going to eat here.'</i> (BPM)</p>	<p><i>[...] Ну что, съел?</i> – <i>Я пока ещё ничего не съел</i>, – удивлённо сказал Паддингтон. – <i>Я даже ничего не принёс, только какао. Я думал, меня здесь покормят.</i> (БПС)</p>
--	---

В данном примере также наблюдается коммуникативная неудача, вызванная **неверной интерпретацией** из-за незнания лексических единиц, а именно омонимичных слов 'Rolls' – «автомобиль роллс-ройс» и 'rolls' – «булочки». При переводе используется прием **целостного переосмысления**, вышеуказанные омонимы опускаются и заменяются ироничной фразой «*Ну что, съел?*», употребляемой в переносном смысле. Паддингтон трактует эту фразу в буквальном значении, и согласно этому значению формируется ответная реплика. Таким образом, в русской версии коммуникативная неудача, вызванная лингвистическими факторами, становится коммуникативной неудачей, вызванной прагматическим факторами, а именно неправильной интерпретацией интенции партнера.

Пример 4

<p><i>'There's something funny with his circs,'</i> said the commissionaire. <i>'My circs!'</i> exclaimed Paddington, looking more and more alarmed. <i>'But I felt all right at breakfast this morning.'</i> <i>'He means your circumstances, dear.'</i> (BPA)</p>	<p>– <i>Бумажки у него не в порядке</i>, – тут же влез носильщик. – <i>Бумажки?</i> – ошарашенно переспросил Паддингтон. – <i>Нет, бумажки у меня все на месте. Вот карта, вот маршрут...</i> – <i>Он имеет в виду твои документы, мишка-медведь.</i> (БПГ)</p>
---	---

В данном случае коммуникативная неудача происходит в связи с **ограниченностью лексикона** коммуниканта. Под словом 'circs', представляющее собой сокращение от слова 'circumstances' персонаж понимает «нечто, связанное со здоровьем», на что также влияет контекстуальное окружение (*There is something funny with*), поэтому на замечание собеседника он реагирует с удивлением и даже возмущением.

Использование **целостного переосмысления** позволило преодолеть трудности, связанные с данным типом коммуникативных неудач. Переводчик подбирает слово с несколькими вариантами значений «бумажки» и преобразует реплику коммуниканта в соответствии с выбранным значением и ситуацией общения.

Пример 5

<p><i>'I didn't know you were cleaning your <u>springs</u>, Mrs Bird,' he exclaimed, looking most surprised.</i> <i>'Not cleaning our <u>springs</u>,' repeated Mrs Bird. '<u>Spring cleaning</u> - that's quite a different matter.'</i> (BPM)</p>	<p>– <i>У нас сегодня генеральная уборка, – сообщила миссис Бёрд.</i> – <i>Гениальная уборка? – удивился Паддингтон. – А куда убирают гения?</i> – <i>Гений тут ни при чём, – рассмеялась миссис Браун.</i> (БПС)</p>
--	---

Коммуникативная неудача в примере 5 вызвана **неверной интерпретацией** многозначного слова 'spring' – 1) весна; 2) пружина, рессора. Паддингтон интерпретирует словосочетание 'spring cleaning' именно во втором значении, т.е. «чистка пружин», а не «весенняя уборка». В русском языке устойчивому словосочетанию 'spring cleaning' соответствует выражение «генеральная уборка», однако слово «генеральная» – не омоним, поэтому переводчику приходится использовать слово, схожее по звучанию, в итоге получается новое словосочетание «гениальная уборка», которое воспринимается буквально, т.е. «уборка гения». Таким образом, переводчик прибегает к приемам **целостного переосмысления**, при этом отправитель сообщения (Паддингтон) становится получателем.

Пример 6

<p><i>'Perhaps,' said Paddington, 'I could come down next year and be the <u>interval man</u>.'</i> <i>'The interval man?' echoed the headmaster, looking puzzled.</i> <i>'I think he means the man who brings the lemonade on during the break,'</i> (BPM)</p>	<p><i>А давайте, – придумал выход Паддингтон, – я приеду и в будущем году, только буду не боулером, а <u>лимонадером!</u></i> – <i>Лимонадером? – озадаченно переспросил директор.</i> – <i>Он, видимо, имеет в виду того, кто разносит лимонад в перерывах.</i> (БПС)</p>
---	--

В примере 6 продемонстрирована коммуникативная неудача, причиной которой является **неправильный выбор лексических средств**, а именно окказионализма ‘interval man’. Паддингтону, как и многим детям, свойственно стремление к созданию новых слов на базе уже знакомых. Интересно, что при создании данного словосочетания коммуникант действовал по принципу модуляции, т.е. человек продает лимонад во время перерыва – ‘interval man’. Описательный перевод в данном случае бы не сработал, поскольку не позволил бы передать лингвистическую креативность «ребенка», а коммуникативный эффект был бы потерян, поэтому переводчик прибегает к приему **добавления и конкретизации**, а именно добавляет слово «боулер» (игрок, подающий мяч при игре в крикет), грамматическая форма которого используется для создания нового слова по аналогии – «лимонадер» – человек, разносящий лимонад. В русском переводе значение слова «лимонадер» более узкое, чем значение английского словосочетания ‘interval man’.

Пример 7

<p>[...]And as if that isn't enough, <u>my system is frozen.</u> <i>Paddington became more and more upset as he listened to Mr Curry and he nearly fell off his box with alarm at the last piece of information. 'Your system's frozen!' he exclaimed. 'I'll ask Mrs Bird to send for Doctor MacAndrew.'</i> <i>Mr Curry snorted. 'I don't want a doctor, bear,' he said crossly. 'I want a plumber. <u>It's not my own pipes that are frozen. It's the water pipes.</u></i> (BPM)</p>	<p>[...]И <u>вдобавок у бедя всё замёрзло.</u> <i>Тревога Паддингтона всё росла, а тут он и вовсе чуть не свалился с ящика. – <u>У вас всё замёрзло!</u> – воскликнул он. – Я сейчас же попрошу миссис Бёрд послать за доктором Мак-Эндрю.</i> <i>Мистер Карри фыркнул.</i> <i>Бедведь, бде не нужен доктор, – сердито сказал он. – Бде нужен водопроводчик. <u>Это не у бедя всё замёрзло. Всё замёрзло в водопроводе.</u></i> (БПС)</p>
--	--

Как видно из данного примера, коммуникативная неудача вызвана **неверной интерпретацией** многозначного слов ‘system’ и ‘pipes’. В данном случае слово ‘system’ может быть интерпретировано как «система водопровода» или «дыхательная система», а слово ‘pipes’ как 1) водопроводные трубы; 2) дыхательные пути. Несмотря на то, что данные

слова в оригинале уже имеют довольно широкое значение, в переводе они еще больше **генерализируются** и заменяются на определительное местоимение «всё».

Пример 8

<p>“You may be only a small bear,” said Mrs. Bird, as she helped him arrange the cards on the mantelpiece, “but you <u>certainly leave your mark.</u>”</p> <p>Paddington wasn’t sure how to take this especially as Mrs. Bird had just polished the hall floor, but <u>when he examined his paws they were quite clean.</u> (BAP)</p>	<p>– Вот видишь, хоть ты и совсем крошечный медведь, – говорила миссис Бёрд, помогая ему расставить открытки на каминной полке, – <u>а какой оставил в округе заметный след!</u></p> <p>Паддингтон несколько смутился, потому что миссис Бёрд только что натёрла пол в прихожей, и <u>на всякий случай осмотрел свои лапы. Они оказались абсолютно чистыми.</u> (БНП)</p>
---	---

В примере 8 коммуникативная неудача вызвана **неверной интерпретацией** фразеологического словосочетания ‘leave a mark’ – «накладывать отпечаток, иметь воздействие», который воспринимается в буквальном значении «оставлять пятна, след». В русском языке существует эквивалент данному устойчивому сочетанию, однако в данном контексте фразеологизм требует **добавления** обстоятельства («в округе»).

Пример 9

<p>‘You’ll be lucky,’ he said. ‘You have to work your way up to a job like that. <u>Your best plan is to start at the bottom.</u>’</p> <p>[...]Laying the hosepipe on the ground he picked up a long piece of wood and poked it between two barrels at the bottom of the pile. Things had happened so quickly earlier in the day he hadn’t been able to take it all in, but he distinctly remembered the foreman advising him that <u>the best place of all to start in a marmalade factory was at the bottom.</u> (BPM)</p>	<p>– Губа не дура! – рассмеялся мастер. – Нет, такую работу ещё надо заслужить. <u>Начинать всегда лучше с самых низов.</u></p> <p>[...]Паддингтон отложил шланг, выбрал доску подлиннее и просунул между двумя бочками в самом основании штабеля. Утром всё случилось так быстро, что он не успел ничего толком сообразить, однако твёрдо запомнил слова мастера: <u>на мармеладной фабрике всегда лучше начинать с самых низов.</u> (БПС)</p>
--	---

В данном случае можно наблюдать пример коммуникативной неудачи, вызванной **неправильной интерпретацией** фразеологического словосочетания. Паддингтон воспринимает фразу ‘start at the bottom’

буквально и начинает чистить бочки с нижних рядов, в то время как мастер имел в виду «начинать с низших ступеней карьерной лестницы». У английского фразеологизма ‘start at the bottom’ существует эквивалент в русском языке – «начинать с низов», но переводчик использует прием **добавления** («с самых низов») для придания эмфазы.

Пример 10

<p><i>‘Anyway, I don’t usually do bears,’ said Madame Zaza cautiously. ‘But as you’re on holiday, if you like to cross my palm with silver I’ll see what I can do to oblige.’ Paddington undid his suitcase and taking out a sixpence passed it over Madame Zaza’s outstretched hand before quickly putting it away again. Having his paw read was much cheaper than he had expected. Madame Zaza gave Paddington a startled look. ‘You’re supposed to stop half-way and drop it in,’ she exclaimed. (BPA)</i></p>	<p><i>И вообще, медведям я обычно не гадаю, – предупредила мадам Заза. – Но раз уж ты странник в чужом краю... Позолоти ручку, а я постараюсь как смогу.</i> <i>– Что значит «позолоти ручку»? – не понял медвежонок.</i> <i>– Это значит – положи в неё денежку, а то я ничего не увижу, – лукаво отозвалась мадам Заза. Паддингтон раскрыл чемодан, вытащил шестипенсовик, зажал его в кулачке и протянул лапу мадам Заза. Оказалось, что гадание по лапе стоит вовсе не так уж дорого! Мадам Заза бросила на него недовольный взгляд.</i> <i>– Я имела в виду в МОЮ руку положи, а не в свою! – вскричала она. (БПГ)</i></p>
--	--

Коммуникативная неудача в примере 10 вызвана **неверной интерпретацией** фразеологического оборота ‘to cross one’s palm with silver’. Коммуникант воспринимает данную фразу в буквальном значении и действует соответственно воспринятому императиву. В русском языке существует выражение со сходным значением «позолотить ручку», но для сохранения коммуникативного эффекта переводчик прибегает к **добавлению** реплик персонажей для раскрытия значения данного выражения для детской аудитории, а также к приему **целостного преобразования** для изменения реакции персонажа в соответствии с буквальным значением.

Пример 11

<p><i>'Shiver me timbers!' he exploded. 'What's this? Expectin' a gale?' 'Shiver your timbers, Mr Grundy?' exclaimed Paddington with interest. He peered hard at the Admiral's boat but it appeared to be all in one piece and the planks seemed well stuck together.</i> (BPA)</p>	<p>– <u>Провалиться мне вместе с палубой!</u> – загромыхал он. – <u>Эт-то ещё что такое? Кличешь шторм, а?</u> – <u>Вы хотите провалиться вместе с палубой, мистер Гранди?</u> – озадаченно переспросил медвежонок, <u>принимаясь с неподдельным интересом рассматривать адмиральскую яхту; вроде с виду она была вполне прочной и надёжной.</u> (БПГ)</p>
---	--

Коммуникативный сбой в данном примере вызван **буквальным восприятием** образного выражения 'shiver me timbers'. «Черт меня побери» является близким эквивалентом данного выражения, но оно не обладает той же образностью. Для достижения адекватности перевода переводчик подобрал **эквивалент** этому выражению со схожей образностью, но с отличным семантическим наполнением.

Пример 12

<p><i>'But it says outside your trips are half price,' replied Paddington hotly. 'Half price?' echoed the man. 'Just you show me where, young feller me bear.' Paddington hurried out of the shop and pointed to the sign over the door. 'There you are!' he exclaimed. The man stared up at the notice for a moment and then back at Paddington. 'Ere, Alf,' he called, putting his head inside the shop door. 'There's a young bear out here taking your name in vain.' 'That isn't half price,' he said, turning back to Paddington. 'That's Alf Price of Alf Price Coach Tours. He's the owner.</i> (BPM)</p>	<p>– Но у вас снаружи написано, что надо платить только половину, – не сдавался Паддингтон. – Половину? – опешил дяденька. – Где это ты такое увидел, друг мой косолапый? Паддингтон выбежал из бюро и ткнул в «<u>ПОЛ ПЛАТИ</u>» над дверью. – Вот! – объяснил он. Дяденька изумлённо вытаращился сначала на вывеску, а потом на медвежонка. – <u>Эй, Пол!</u> – крикнул он, просунув голову в дверь. – Тут пришёл медведь и дразнится. – <u>Это вовсе не значит «Плати половину»,</u> – объяснил он, поворачиваясь к медвежонку. – Просто хозяина бюро зовут <u>Пол</u>, а фамилия <u>Плати</u>. (БПС)</p>
---	--

Коммуникативная неудача в примере 12 обусловлена **неверной интерпретацией** фонетических и лексических единиц английского языка.

К первым относятся слова, начинающихся со звука /h/: многие носители английского языка не произносят его в данной позиции. К лексическим единицам относится омонимичное слово ‘price’, использованного в одном контексте как имя собственное, и как имя нарицательное. Трудности при переводе связаны с подбором фонетического эквивалента имени собственного ‘Alf Price’, который в то же время служил бы омонимом слову «цена» и «половина». Для решения данной проблемы переводчик прибегает к приему **целостного переосмысления**, заменяя имя «Alf» на «Пол», и фамилию «Price» на «Плати».

2.1.3. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной энциклопедической компетенцией

Пример 13

<p><i>‘Eureka!’ cried the sportsmaster, slapping him on the back.</i> <i>‘What!’ exclaimed Paddington hotly, as he staggered forward. ‘I reeka! But I had a bath yesterday.’</i> (BPM)</p>	<p>– <i>Эврика!</i> – воскликнул учитель физкультуры, хлопая его по спине. – <i>Не ври-ка?</i> – обиженно переспросил Паддингтон, чуть не полетев кубарем. – <i>Я не вру. Я вообще никогда не вру.</i> (БПС)</p>
---	---

Коммуникативная неудача в данном случае вызвана недостатком **фоновых знаний**, а именно незнанием легендарного восклицания Архимеда ‘Eureka!’, которое похоже по звучанию на ‘you reeka’ – «ты воняешь». В русском звучании слово «эврика» схоже с фразой «не ври-ка», на которую переводчик заменяет выражение ‘I reeka’, прибегая тем самым к приему **целостного переосмысления**.

Пример 14

<p><i>“Penny for the Guy, sir.”</i> <i>“Thank you very much,” said paddington, taking a penny out of the cap. “It’s very kind of you.”</i> <i>“Oi!” said the boy as Paddington turned to go. “Oi! You’re supposed to give me a penny - not take one yourself.”</i> (BAP)</p>	<p>– <i>Пенни Гаю Фоксу, сэ.</i> – <i>Спасибо, – сказал Паддингтон и взял из фуражки пенни. – Вот спасибо! И он пошёл было дальше.</i> – <i>Эй!</i> – окликнул его мальчишка. – <i>Ты что, с луны свалился? Это ты мне должен дать пенни, а не я тебе!</i> (БНП)</p>
--	--

Пример является случаем коммуникативной неудачи, вызванной **отсутствием фоновых знаний** (традиции, связанной с пороховым заговором 1605 года). На возникновение недопонимания также влияет многозначность слова ‘Guy’, которое может быть и собственным, и нарицательным существительным. Вследствие этого Паддингтон неправильно понимает иллокутивную силу высказывания и принимает просьбу за предложение. При переводе многозначность теряется, однако коммуникативный эффект сохраняется благодаря использованию **экспликации** имени собственного: имя Гая Фокса ни о чем не говорит персонажу, он предполагает, что партнер по какой-то причине присваивает это имя ему.

2.1.4. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной интерактивной компетенцией

Пример 15

<p><i>“I want a clothes line,” he announced. “A what?” exclaimed the assistant. Paddington hurriedly moved the bullseye to the other side of his mouth. “A clothes line,” he repeated, in a muffled voice. “it’s for Mrs. Bird. Her old one broke the other day.” (BAP)</i></p>	<p>– <u>Дайте мне, пожалуйста, бельфую ферёфку.</u> – Что? – не понял продавец. Паддингтон передвинул леденец за другую щёку. – <u>Бельфую ферёфку,</u> – повторил он, с трудом ворочая языком. – <u>Это для мишиши Бёрд. Штарая на днях порвалашь.</u> (БНП)</p>
---	---

В данном случае коммуникативная неудача вызвана **нарушением максимы такта**. Коммуникант создает помехи для восприятия его речи собеседником, а именно говорит с набитым ртом. Переводческая тактика интересна тем, что в переведенном тексте используется намеренная **контаминация речи**, которая отсутствует в тексте оригинала и передается при помощи лексических средств в авторской речи.

Пример 16

<p>“And why is your tongue all <u>blue</u>?” <i>Paddington stuck out his tongue as far as he could. “It is a funny colour,” he admitted, squinting down at it with interest. “Perhaps I’m sickening for something!”</i> <i>“You’ll be sickening for something all right if you don’t clear up this mess,” grumbled Mrs. Bird as she entered. (BAP)</i></p>	<p><i>И почему у тебя язык весь <u>синий</u>? Паддингтон высунул язык как можно дальше. – Действительно, синий, – согласился он, заинтересованно скашивая глаза. – У меня, наверное, на языке синяк! – <u>Погоди, будет тебе синяк и на другом месте</u>, если ты не ликвидируешь этот разгром, – пригрозила миссис Бёрд, тоже входя в комнату. (БНП)</i></p>
--	---

Фактором, который приводит к возникновению коммуникативной неудачи в данном примере, является **нарушение принципа Кооперации**, в частности постулата качества. Коммуникант не осознает реальную ситуацию общения и домысливает ее – язык у Паддингтона синий потому, что он перепачкался чернилами, а не потому, что он заболел. При передаче данной коммуникативной неудачи на русский язык, переводчик использовал прием **конкретизации**, заменив выражение с широким значением ‘be sickening for something’ («плохо себя чувствовать») на слово с более узким значением «синяк».

Пример 17

<p><i>‘No, yes,’ said the gatekeeper sarcastically. ‘And who are you, pray? Lord Muck ’isself?’</i> <i>‘Lord Muck!’ repeated Paddington. ‘I’m not a Lord. I’m Paddington Brown.’</i> <i>‘Ave you seen yourself in a mirror lately?’ asked the gatekeeper. ‘Lord you may not be - but mucky you certainly are. (BPM)</i></p>	<p><i>– А, ну-ну, – хохотнул вахтёр. – А кто ты такой, скажи на милость? Князь Старый Сапог?</i> <i>– Князь Старый Сапог? – повторил Паддингтон. – Я не князь! Я Паддингтон Браун.</i> <i>– Жаль, жаль, – глумливо посочувствовал вахтёр. – А то поговорка «из грязи в князи» – это как раз про тебя. Ты в зеркало-то давно последний раз гляделся? (БПС)</i></p>
---	---

Основным фактором, влияющим на возникновение коммуникативного сбоя в примере 16 является **неверное понимание интенции партнера**, т.к. Паддингтон не воспринимает сарказм риторического вопроса собеседника, вторым фактором является незнание фразеологического словосочетания и его буквальная интерпретация. При переводе используется сразу несколько приемов: **целостное**

переосмысление для передачи устойчивого выражения ‘Lord Muck’ (дословно – «Лорд Грязный»), обозначающего тщеславного человека, и связанной с этим выражением семой нечистоплотности; **синтаксическая перестановка** в ответной реплике вахтера, а также **добавление** авторской реплики для передачи эмотивного состояния говорящего.

2.1.5. Результаты анализа переводческих приемов и языковых средств создания литературного типажа «ребенок»

На основании результатов анализа и данных, представленных в диаграммах 1, 2, 3 (см. Приложение 2) можно сделать следующие выводы:

1. Одним из наиболее продуктивных способов создания литературного типажа «ребенок» являются коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной лингвистической компетенцией, в частности неверной интерпретацией лексических единиц.
2. К лексике, приводящей к наибольшим трудностям при переводе коммуникативных неудач в дискурсе ребенка, относятся омонимы, слова со схожим звучанием и фразеологизмы, т.е. лексические единицы, относящиеся по большей части к разряду безэквивалентной и частично эквивалентной лексике.
3. Коммуникативные неудачи, вызванные экстралингвистическими факторами менее выражены в дискурсе литературного типажа «ребенок» по сравнению с коммуникативными сбоями, вызванными лингвистическими факторами, однако они также весьма частотны и проявляются либо в чистом виде, либо в комбинации.
4. Среди причин появления коммуникативных неудач, обусловленных недостаточной интерактивной компетенцией, можно выделить неверное понимание интенции партнера и нарушение принципов Вежливости и Кооперации.

5. Среди основных переводческих приемов при передаче данных языковых средств создания литературного типажа можно выделить целостное преобразование, добавление, конкретизацию, генерализацию, нахождение частичного эквивалента, контаминацию речи, синтаксические перестановки.
6. Целостное преобразование является доминирующим способом передачи всех типов языковых средств создания литературного типажа «ребенок». Вторым по распространенности приемом являются добавления, при этом одно преобразование может применяться совместно с другими (например, добавления + целостное преобразование, добавление + эквивалент и т.п.)

2.2. Особенности перевода языковых средств создания литературного типажа «иностранец»

2.2.1. Речевое поведение литературного типажа «иностранец»

Поскольку для литературного типажа «иностранец» характерно недостаточное владение неродным языком, его специфические особенности и индивидуальные черты проявляются на всех языковых уровнях, включая прагматический. В данном исследовании рассматриваются иностранцы-французы.

На уровне лексикона одной из самых заметных особенностей является некорректное фонетическое оформление речи, что затрудняет понимание и приводит к возникновению коммуникативных сбоев. Частотны случаи фонетической интерференции родного языка, в особенности опущение, смягчение или озвончение согласных, замена фрикативных межзубных звуков зубными, замена смычно-щелевых звуков на щелевые, произнесение монофтонгов вместо дифтонгов и т.д. Интерференция также встречается и на уровне лексики: не редки случаи неверного подбора слов, схожих по форме с родным языком, но отличных по значению. На грамматическом

уровне основные особенности связаны с пропуском предлогов и вспомогательных глаголов, использованием настоящего времени вместо прошедшего, неверным словообразованием.

На уровне тезауруса особенности литературного типажа практически не отражаются, поскольку иностранцы склонны использовать в речи стандартные обороты речи, однако интерференция родного языка встречается и на этом уровне, в частности могут калькироваться фразеологические обороты.

Уровень прагматикона, как и в случае с литературным типажом «ребенок», характеризуется обилием коммуникативных неудач, однако большая часть из них вызвана фонетическими особенностями персонажей, а не ситуацией общения, и связана в основном не с восприятием, а с порождением речи.

Таким образом, использование контаминированной речи (т.е. использование искаженных форм, затрудняющих восприятие речи и обнаруживающих принадлежность коммуниканта к иному языковому коллективу), неверное употребление лексических форм, широкое употребление разговорной лексики, а также коммуникативные неудачи, вызванные фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями персонажей, могут служить языковыми средствами создания литературного типажа «иностранец». В данном исследовании рассматриваются следующие языковые средства создания данного литературного типажа: проявление недостаточной лингвистической компетенции (контаминированная речь и неправильный выбор лексических средств и связанные с ними коммуникативные неудачи).

2.2.2. Проявление недостаточной лингвистической компетенции

Пример 18

<p><u>"Oh, garrot geek!" [...]</u> "I ev zis at con tear boory."</p> <p>"Right, great." I didn't know what she was talking about, but she was my first satisfied customer.</p> <p><u>"You know con tear boory?"</u> She now had a mouthful of carrot cake, which didn't exactly help me decipher what she was trying to say.</p> <p>"No, don't think so. What is it?"</p> <p><u>"It is seaty. Next doovre?"</u></p> <p>"Right. Yes. Pardon?"</p> <p><u>"You know! Next ze tonnel. You go out ze tonnel, you go up. It ez catty drawl. Con tear boory!"</u></p> <p>Something clicked. "Ah, Canterbury. The cathedral, right. You've been there?" (СУМ)</p>	<p>— <u>О! Дарковный ерог! — [...]</u>— Я ела дакой в канн... ти... бури.</p> <p>— Точно, я очень рад. — Я не понял, о чем она говорит, но был счастлив видеть в ее лице первого довольного клиента.</p> <p>— <u>Ну, знаешь, канн... ти... бури?</u> — спросила она меня с набитым ртом, что совершенно не способствовало лучшему пониманию ее речи.</p> <p>— Нет, думаю, не очень. А что это?</p> <p>— <u>Это сентр. Следующая дерь.</u></p> <p>— Ага, что, извините?</p> <p>— <u>Ну, сразу за танелем. Выезжаешь из танеля и едешь на север. Это са бар. Канн... ти... бури!</u></p> <p>Что-то щелкнула внутри:</p> <p>— <u>О! Кентербери!</u> — Собор, точно. — Ты бывала там? (КСФ)</p>
---	---

В примере 18 ненормативное **фонетическое оформление** речи иностранцем приводит к недопониманию. В оригинале автор создает эффект **контаминированной речи** при помощи графических средств. Автор передает следующие фонетические особенности речи иностранца (француза): озвончение согласных звуков (/g/ вместо /k/), опущение согласных звуков (/h/), замена фрикативных межзубных звуков зубными (/z/ вместо /ð/), произнесение монофтонгов вместо дифтонгов, неверное произнесение гласных (/u:/ вместо /э/. В русской версии переводчик заменяет губные звуки переднеязычными (/д/ вместо /м/), опускает некоторые согласные (/п/, /в/), изменяет качество гласных (/а/ вместо /о/ и др.). Благодаря таким изменениям в речи персонажа, переводчику удается сохранить коммуникативный эффект и воссоздать ситуацию недопонимания.

Пример 19

<p>“Paul West.” “<u>Pol Wess</u>,” Marianne said, “a visitor for Monsieur Martin.” She hung up. (СУМ)</p>	<p>— Пол Уэст. — <u>Поль Весс</u>, — произнесла Марианна, — к месье Мартену, — и повесила. (КСФ)</p>
--	---

В данном случае **контаминированная речь** не вызывает коммуникативную неудачу, но указывает на фонетические особенности говорящего. Автор передает следующие фонетические особенности французов: смягчение согласных и опущение согласных. Переводчик поступает тем же образом.

Пример 20

<p>“You rilly yong,” said the skinny bloke. Not accusingly, but annoyingly. “Not really, I’m 27. If I was a rock star I’d be dead.” The bloke made apologetic gestures. “<u>No, no. Ah’m not criti-sahzing. Ah’m just... admiraive.</u>” He had a weird accent. Not quite French. I couldn’t place it. (СУМ)</p>	<p>— Ты так молод, — раздался голос худоцавого паренька. В интонации не было укора, но раздражение присутствовало. Акцент у него был какой-то странный. Не совсем французский. Не мог разобрать, откуда он. — Не то чтобы очень. Мне двадцать семь. Будь я рок-звездой, уже отошел бы в мир иной, — ответил я. Парнишка принялся извиняться жестами: «<u>Нет, нет, я ни в коем случае не критикую. Наоборот, пытаюсь выразить восхищение</u>». (КСФ)</p>
--	--

В данном примере коммуниканту не удается определить акцент собеседника, он только отмечает, что он отличается от французского акцента. В английском варианте в **контаминированной речи** иностранца наблюдается замена дифтонгов монофтонгами (/i/ и /a/ вместо /ai/) и изменение качества гласных (/ɔ/ вместо /ʌ/). В русском языке речь иностранца не контаминируется, остается только **авторская ремарка**, которая переставляется сразу после первой фразы коммуниканта-иностранца.

Пример 21

<p>“<i>Yam bare narr, yam responsa bull ov communika syon, er...</i>” [...] “<i>Alok for wah toowa king wizioo.</i>” (СУМ)</p>	<p>— <u>Меня зовут Бер... нар, я отве... ответствен по связям с общественность, э...</u> [...] — Я с нетер... пиенем жду нашей совме... тной работы. (КСФ)</p>
--	--

В примере 21 представлены следующие способы **контаминации речи** иностранца-француза: опущение согласных, замена фрикативных межзубных звуков зубными (/z/ вместо /ð/), замена зубных звуков на палатально-альвеолярные (/s/ вместо /ʃ /), произнесение монофтонгов вместо дифтонгов (/a/ вместо /ai/), изменение качества гласных (/u:/ вместо /э/ и /з:/), произнесение слов по слогам (‘responsa bull’, ‘communika syon’). В русском тексте применяется добавление лишних гласных («нетерпиением»), опущение согласных (/с/), произношение по слогам («Бер...нар, совме...тной»), неверное использование грамматических форм («ответствен по связям с общественность»).

Пример 22

<p><i>Stephanie was the ‘responsa bull ov poorshassing’ (purchasing) for the main meat-processing part of the company, and was now “vairy eppy” to be “ap-wanted responsa bull ov poorshassing” for the proposed chain of “Eengleesh tea saloons”.</i> (СУМ)</p>	<p>Стефани «отвеча... ла са закуопки» (закупки) мяса и была «очиень частлива», что «сноува може занимать... ся закуопкими» для запускаемой сети «англейских чаиньих». (КСФ)</p>
--	---

В данном примере автор использует следующие способы **контаминации речи**: опущение согласных(/h/), замена смычно-щелевых звуков на щелевые (/f/ вместо /ʃ/, произнесение дифтонгов вместо монофтонгов (/εэ/ вместо /ε/, изменение качества (/u:/ вместо /з:/, /u:/ вместо /э/) гласных, произнесение слов по слогам (‘responsa bull’). Переводчик применяет добавление лишних гласных («зукоопки», «очиень»), оглушение согласных (/с/ вместо /з/), опущение согласных («може»), произношение по слогам («занимать... ся», «отвеча... ла»).

Пример 23

<p>“No. Ah do not do dese cards, me.”</p> <p>“Zis? Oh, Ah look at zis because eet as big publicity for us.”</p> <p>“Good, uh? Zis rugbyman ee do dis for us because ee eez friend wiz me.” (СУМ)</p>	<p>«Нет. Ия не делаю эйти визитки.»</p> <p>«Эсо? О, ия смотрю эсо, потому что там мы в большой рекламе.»</p> <p>«Супер, да? Эсос спортсмен делает эсо для нас, потому что он дружить со мной» (КСФ)</p>
--	---

В примере 23 продемонстрированы следующие варианты **контаминированной речи**: опущение (/h/) согласных, замена фрикативных межзубных звуков зубными (/z/ и /d/ вместо /ð/, произнесение монофтонгов вместо дифтонгов (/a/ вместо /ai/). Для создания контаминированной речи на русском языке переводчик добавляет лишние гласные («эйти», «ия»), заменяет переднеязычные звуки зубными (/с/ вместо /т/), неверно использует грамматические формы («он дружить со мной»).

Пример 24

<p>“Ah'm ed of hah tee,” he said.</p> <p>“Ed of hah tee,” I repeated approvingly, wondering what the hell this was. Something to do with tea, anyway. Relevant.</p> <p>“Yah. Compoedah sis-temm,” Marc confirmed.</p> <p>“Oh, I.T.,” I said. He glowered at me. “Your English is excellent,” I added quickly. “How long did you spend in the USA?”</p> <p>“Ah've done a yee-uh uv post-grad at Jo-ja State, then Ah've worked fahv yee-uhs inna inshance firm in Atlanna. In da hah tee departmon, a coss.”</p> <p>“A coss,” I agreed. (СУМ)</p>	<p>— Я возголовляю хай чи, — начал он.</p> <p>— <u>Возголовляю хай чи,</u> — ободряюще повторил я, ломая голову, что же это могло значить.</p> <p>В любом случае, что-то связанное с чаем. Это уже ближе к сути дела.</p> <p>— <u>Да. Сложенная сис... тем,</u> — подтвердил Марк.</p> <p>— О! Ай-Ти, — воскликнул я, а Марк, насупившись, поглядывал на меня. — Ты превосходно изъясняешься по-английски, — тут же добавил я. — Сколько ты жил в Штатах?</p> <p>— <u>Закончив... ши универ... ситет в Джо-Ржи, я год прожить там, а потом пять годов в страовой фирме в Атлане. В отделе хай чи, коничн.</u></p> <p>— Коничн, — выразил согласие я.» (КСФ)</p>
--	---

В данном примере продемонстрирован случай подражания француза-иностранца американскому произношению. При этом сохраняется интерференция родного языка (**контаминированная речь**): опущение и добавление согласных (/h/, /r/, /t/, /f/), замена дифтонгов монофтонгами (/a/

вместо /ai/, /ə/ вместо /uə/), озвончение согласных (/d/ вместо /t/). В русском языке передача подражания американскому произношению весьма затруднительна, поэтому переводчик употребляет те же средства передачи контаминированной речи, что и в примерах 21-23.

Пример 25

<p>“OK, Philippe, what would you say to the waiter if you had no cutlery?” “Er, excuse me, I want a knife and <u>a fuck.</u>” (СУМ)</p>	<p>— О’кей, Филипп, что ты скажешь официанту, если он не принес приборы? — Извините, мне нужны нож и <u>дырка.</u> (КСФ)</p>
---	--

В данном случае коммуникант **неверно произносит** слово ‘fork’, в итоге у него получается ругательство. В русском тексте используется прием **целостного переосмысления** и подбирается слово, схожее по звучанию со словом «вилка»

Пример 26

<p>‘<u>Comment!</u>’ she exclaimed hoarsely. ‘<u>Come on?</u>’ said Paddington, looking puzzled. <u>There was hardly space inside the tent for the two of them, let alone room to go anywhere, so he tried climbing on the table as he explained once again what he had come for.</u> (ВРА)</p>	<p>– <u>Комман!</u> – воскликнула она сильным голосом. – <u>Карман?</u> – озадаченно переспросил медвежонок. <u>Ему с самого начала было ясно, что гадать по лапе, спрятанной в карман, довольно затруднительно, поэтому он заранее вытащил обе лапы наружу. Чтобы мадам Заза было легче их рассмотреть, он начал карабкаться на стол, объясняя по дороге, зачем, собственно, пришёл.</u> (БПГ)</p>
--	--

Пример 26 является одним из редких случаев, когда литературный типаж «ребенок» выступает в роли иностранца. Поскольку французское слово ‘comment’ (рус. «как, почему») созвучно с английским ‘come on’ (рус. «проходите»), Паддингтон, не владеющий французским языком, считает, что с ним разговаривают на его родном языке и реагирует на высказывание партнера не совсем адекватным образом, следовательно, возникает **коммуникативная неудача, вызванная неверной интерпретацией лексической единицы.** При переводе было использован прием **целостного**

переосмысления, в частности было подобрано слово «карман», схожее по звучанию с ‘comment’, а затем в соответствии с семантической составляющей данного слова была изменена реакция коммуниканта. Также переводчик добавил примечание для разъяснения значения слова ‘comment’.

Пример 27

<p>“Yes. Er, what are you having?” I was lost. <u>“Chèvre chaud,”</u> he said. “Chèvre?” “It means the female – what is it, like a mutton but with – on its head – <u>corns?</u>” <u>“Corns on its head?”</u> <u>“Horns?”</u> “Ah, goat.” “Yes, goat.” Hot goat? (СУМ)</p>	<p>Да. Э... ты что будешь? — Я был в замешательстве. — <u>Chèvre chaud?</u> — ответил Жан-Мари. — Chèvre? — Это женский род... как это? Типа овцы, но с... на голове... <u>с ножками на голове.</u> — <u>С ножками на голове?</u> — <u>С рожками?</u> — А! Коза! Парная коза? (КСФ)</p>
--	--

Коммуникативная неудача в примере 27 вызвана **неправильным выбором лексических средств**, связанным с недостаточным владением иностранным языком. Один из коммуникантов, пытаясь объяснить значение наименования блюда, подбирает слово ‘corns’ схожее по звучанию с нужным ему словом ‘horns’, что приводит в недоумение его собеседника. Несмотря на все усилия коммуниканта, второму участнику общения так и не удастся понять значение слов ‘Chèvre chaud’. Поскольку в русском языке слово «зерна» не созвучно со словом «рога» или «рожки», переводчик подбирает другое слово («ножки»), имеющее схожую фонетическую форму, тем самым осуществляя прием **целостного преобразования**.

Пример 28

<p>“And it's a <u>bit rang-gar.</u>” “It's what?” Jake spoke a very weird kind of English. I was beginning to wonder if he wasn't Cajun or something, his American English mixed with swamp-alligator French.</p>	<p>— И еще там слегка... Джейк, надо заметить, общался на своеобразном английском. Я уже начал задумываться, не был ли он каджуном или что-то в этом роде, говорящем на</p>
--	--

<p><i>“Ringard, you know, tacky. Touristy.”</i> (СУМ)</p>	<p>американском английском вперемешку с французским. — <i>...липко. Имею в виду, туристам там как медом намазано.</i> (КСФ)</p>
---	---

Данный случай является одним из примеров интерференции неродного языка в родной и связанным с ней **неправильным подбором лексических средств**. Один из персонажей долгое время живет во Франции и настолько привык говорить по-французски, что для него иногда бывает сложно подобрать слово на родном языке, поэтому вместо английских слов он вставляет в свою речь французские. В русской версии переводчик **опустил** иностранное слово, вместо этого сразу дав его эквивалент. В оригинале персонаж предоставляет синоним слову ‘tacky’ (рус. «липкий») – ‘touristy’, которое на русский язык переведено идиоматическим выражением «как медом намазано».

Пример 29

<p><i>“You like putting on your 31s even on weekends,” Jake said.</i> <i>“Doing what?”</i> <i>“You know, dressing up chic. Don't we say that in English? Putting on your 31s? Damn.”</i> (СУМ)</p>	<p>— <i>И тебе даже по выходным нравится выглядеть на миллион франков?</i> — <i>Нравится что?</i> — <i>Выглядеть на миллион франков. Надевать самое лучшее, что есть в твоём гардеробе. Разве мы так не говорим? Черт подери!</i> (КСФ)</p>
--	---

Данный пример коммуникативной неудачи схож с предыдущим примером, только в данном случае коммуникант **неверно использует** не единичное слово, а целый фразеологический оборот. Поскольку в русском языке фразеологического оборота, схожего по семантическому наполнению с ‘*putting on your 31s*’, переводчик находит **частичный эквивалент** «выглядеть на миллион долларов» и заменяет «доллары» на «франки» для придания «французского» звучания. Также переводчик осуществляет **синтаксическую перестановку** во второй реплике коммуниканта и **описательно переводит** устойчивое словосочетание ‘*dressing up chic*’

Пример 30

<p>“<u>Separate living?</u>” the agent asked. “Yes, I’m living alone at the moment.” Though I didn’t see what business it was of his. “<u>Er, separate salon?</u>” the guy asked. Now he thinks I’m one of a couple of gay hairdressers, I thought. This wasn’t going well at all. “<u>You want one bedroom and one separate uzzer room,</u>” the agent tried again. “<u>Salon is living, you know? Living room?</u>” “Ah! Yes. Right. A bedroom and a living room.” I nodded encouragingly. (СУМ)</p>	<p>— <u>Хотите жить отдельно?</u> — уточнил он. — Да, сейчас я живу один, — ответил я, хотя совершенно не понимал, какое его дело. — <u>Свой салон?</u> — переспросил парень. Так, теперь он думает, что я один из этих голубых стилистов, что обычно живут по двое. Совсем плохи дела. — <u>Вы хотел бы одну спальню и одну комнату отдельнн?</u> — предпринял еще одну попытку агент. — <u>Салон — это гостиная. Гостиная комната.</u> — Ах! Да! Именно так. Спальню и гостиную. — Чтобы подбодрить его, я утвердительно закивал головой. (КСФ)</p>
--	--

Причиной недопонимания в примере 30 является интерференция родного языка и **неправильный выбор лексических средств**. Коммуниканту не удается сразу подобрать правильный эквивалент слову ‘salon’ на английском языке. Для перевода такого рода недопонимания переводчик **заменяет часть речи** и **добавляет** модальность в вопрос «хотите жить отдельно?». В следующей реплике прилагательное ‘separate’ **заменяется** на притяжательное местоимение «свой».

Пример 31

<p>“What sort of business is he in?” I’d never met Florence’s dad. When we’d gone to pick up Ms car, he’d been away in India. <u>“He imports tissues.”</u> <u>“He’s a Kleenex importer?”</u> <u>“No, tissuus. You know, like, cotton. To make shirts and shit.”</u> (СМА)</p>	<p>— И каким бизнесом он занимается? — Я никогда не встречался с отцом Флоранс. Когда мы забирали его машину, он был в Индии. — <u>Он импортирует tissues[1].</u> — <u>Что, «Клинекс»?</u> — <u>Нет, tissuus[2].</u> Ну знаешь, вроде хлопка, например. Чтобы шить рубашки и прочее дерьмо. Примечания: [1] - Бумажные носовые платки (англ.). [2] - Ткань (фр.). (КСП)</p>
--	---

Коммуникативная неудача в данном примере вызвана **неправильным выбором лексических средств** и схожим звучанием английского слова ‘tissues’ и французского ‘tissus’. В русской версии эти слова не переводятся, для пояснения их значения и возникновения недопонимания даются **примечания**.

Пример 32

<p><i>“Yes, but I'd like to go and stuff that guy's designer sunglasses up his nose.”</i></p> <p><i>“No, you cannot do that, you are English. <u>You must show your phlegm.</u>”</i></p> <p><i>“<u>My phlegm?</u>” I hadn't heard this one before. Did the French think we Brits calmed down by spitting all over the place? They must have been watching too much of our football on satellite TV.</i></p> <p><i>“<u>Yes, you are phlegmatic. You have cold blood.</u>” (СМА))</i></p>	<p>– Да, но у меня прямо руки чешутся сбить с носа этого типа его дизайнерские темные очки.</p> <p>– Нет, ты не можешь так поступить, ты же англичанин. <u>Ты должен сохранять свою флегму.</u></p> <p>– <u>Флегму?</u> – Такого я еще не слышал. Неужели французы полагают, что мы, британцы, успокаиваем нервы исключительно тем, что поплевываем вокруг себя? Должно быть, они насмотрелись нашего футбола по спутниковому телевидению</p> <p>– <u>Да, вы же флегматики.</u> У вас холодная кровь. (КСП)</p>
---	---

Коммуникативное затруднение в примере 32 связано с **неправильным подбором лексических средств** из-за недостаточного владения иностранным языком. У носителя языка слово ‘phlegm’ ассоциируется в первую очередь с «мокротой, слизью», а не «хладнокровием». Второе значение данного слово относится к книжной лексике, поэтому не приходит собеседнику в голову. Адресат думает, что ему предлагают плевать подобно футболисту на поле. В русском языке слово «флегма» является синонимом слова «флегматизм» (невозмутимое спокойствие), а также имеет устаревшее значение «мокрота, отхаркиваемая слизь». Для того, чтобы показать, что коммуникант использует данное слово в первом значении, переводчик **заменяет** глагол ‘show’ на глагол «сохранять».

Пример 33

<p>“Don't inquiet yourself. <u>She's a verve.</u>” “A what?” “You know. Dammit. <u>Une veuve? Dead husband?</u>” “Widow.” (СМА)</p>	<p>– Не переживай ты так. <u>Она veuve.</u> – Кто? – Ну что ты не знаешь? Черт возьми. <u>Мертвый муж?</u> – Вдова? (КСП)</p>
--	--

Еще один пример языковой интерференции и **неправильного выбора лексических средств**. Французское слово ‘veuve’ созвучно с английским ‘verve’ (рус. «сила, энергия»), которое и приходит на ум адресату. В переводе слово ‘veuve’ используется вместо ‘verve’ и **опускается** в ответной реплике. Таким образом, в русском языке коммуникативная неудача происходит из-за незнания французского слова, а не из-за языковой интерференции и схожести звучания слов.

Пример 34

<p>“But you like <u>free ends?</u>” “Free ends?” “Yes, you know. <u>Hoss, shorn lair.</u>” <u>A horse with a shorn what? This was getting weirder by the minute.</u> [...]“<u>Friends,</u>” I said. «Ross, Chandler.”(СМА)</p>	<p>– Но ты нравится <u>свободные концы?</u> – Свободные концы? – Да, ну это. <u>Лошадь, короткая берлога.</u> <u>Лошадь с короткой чем? Все окончательно запуталось.</u> – [...] Так <u>это «Друзья»,</u> - сказал я. Росс. Чендлер. <u>Примечание: название сериала Friends созвучно фразе ‘free ends’ – свободные концы.</u> (КСП)</p>
--	---

Коммуникативная неудача в данном примере вызвана схожим звучанием названия сериала Friends со словосочетанием ‘free ends’, особенно в речи иностранцев (**неверное произношение**). Помимо этого, коммуниканты неверно произносят имена главных героев сериала. В русской версии данные имена собственные переведены в том значении, которое воспринимает адресат (free ends – свободные концы, horse – лошадь, short lair – короткая берлога). Далее переводчик дает **примечание**, в котором разъясняется схожесть звучания английских слов, однако слова «лошадь» и «короткая берлога» остаются без примечания.

Пример 35

“At five PM, I was working.”	— В пять вечера я работал.
“Good.”	— Хорошо.
“At seven PM, I was sitting on ze train.”	— В семь вечера я сидел на поезде.
“OK.”	— О’кей.»
“At nine, I was listening ze radio.”	— В девять я слушал по радио.
“Was that <u>AM</u> or <u>PM</u> ?”	— Это было <u>утром или вечером?</u>
“No, <u>FM</u> .” (СУМ)	— Это было <u>по радио.</u> (КСФ)

Затруднения коммуникации в примере 35 возникают в связи с **неправильной интерпретацией** из-за незнания лексических единиц. Поскольку коммуникант рассказывает о том, что слушал радио, ему кажется, что его спрашивают про радиоволны, когда на самом деле собеседник интересуется тем, когда он слушал радио. Переводчик **расширяет** значение латинских сокращений AM и PM и **добавляет** в реплики подлежащее «это» и сказуемое «было».

Пример 36

“If you do not pay our invoice, sir, we will contact our <u>lawg</u> .”	— Сэр, если вы не заплатите, мы свяжемся с нашим <u>авокадо</u> .
“ <u>Your log</u> ?”	— С <u>вашим авокадо?</u>
“Yes, <u>our lawg</u> .”	— Да, с <u>нашим авокадо</u> .
“Your <u>lump of wood</u> ?”	— С <u>вашим овощем?</u>
“Oh? OK, we will contact our <u>lumpawoo</u> .”	— А? О’кей, мы свяжемся с нашим <u>овощем</u> .
“No, you mean <u>lawyer</u> .”	— Нет, ты хотел сказать <u>адвокатом</u> .
“Sorry?”	— Извините?
“Look – I’ll write it. <u>L-A-W-Y-E-R</u> .”	— Смотри. Я напишу это слово по буквам. <u>А-д-в-о-к-а-т</u> .
“Yes, <u>lawg</u> .”	— Да, <u>авокадо</u> .
“OK, you go ahead and contact <u>your log</u> .” (СУМ)	— О’кей, продолжайте и свяжитесь с <u>вашим авокадо</u> . (КСФ)

Ситуация в примере 36 происходит на уроке английского языка. Учитель пытается научить студента правильному произношению слова ‘lawyer’, но ученик произносит слова, схожие, как ему кажется, по звучанию, при этом, когда учитель переспрашивает его (‘Your lump of wood?’), ему кажется, что ему подсказывают правильное слово и повторяет его вслед за учителем (‘lumpawoo’). Следовательно, в данном примере

можно наблюдать возникновение коммуникативной неудачи, вызванной в первую очередь **неправильным фонетическим оформлением** слова, а также непониманием интенции партнера. Переводчик прибегает к приему **целостного переосмысления**, заменяя слово ‘log’ словом созвучным с существительным «адвокат», и уже к нему подбирает другое созвучное слово «авокадо».

Пример 37

<p><i>“I saw their success and I wanted their head of marketing, so I went to London and decapitated him. Decapitated?”</i> <i>“Head-hunted,” I said. (СУМ)</i></p>	<p><i>Мне ничего не оставалось делать, кроме как поехать в Лондон, чтобы э... обезглавить... — Он вопросительно повернулся ко мне.</i> <i>— Охотиться за светлой головой, — подсказал я. (КСФ)</i></p>
--	---

В примере 20 коммуниканту не удается подобрать необходимое слово в связи с недостаточным владением иностранным языком (**неправильный выбор лексических средств**). Его собеседник догадывается по контексту, что он имеет в виду, и подсказывает верное слово. В русском тексте слово ‘decapitated’ переводится **прямым эквивалентом** «обезглавил», а глагол ‘head-hunted’ переводится **описательно**, при этом, чтобы показать затруднения, которые коммуникант испытывает с подбором слова, переводчик **добавляет** авторскую ремарку («Он вопросительно повернулся ко мне».)

Пример 38

<p><i>“What did you have for dinner last night, Sylvie?”</i> <i>“I made some <u>crap</u>.”</i> <i>“You mean <u>crêpes</u>? <u>Pancakes</u>.” (СУМ)</i></p>	<p><i>— Что ты ела вчера на ужин, Сильвия?</i> <i>— Я приготовила <u>халат</u>.</i> <i>— Ты хотела сказать <u>салат</u>? (КСФ)</i></p>
--	--

В данном примере коммуникант использует французское слово вместо английского (**неверный подбор лексических средств**). Слово ‘crêpes’ созвучно с английским ‘crap’, которое считается грубым. В русском варианте переводчик прибегает к приему **целостного преобразования**, вводя созвучные слова «халат» и «салат».

Пример 39

<i>“The reports are very—“ Jean-Marie stopped and frowned. “How you say, prometteur? Prom—?”</i>	<i>— Доклады очень... — Жан-Мари запнулся и нахмурился. — Как ты это называешь, prometteur. Обна...</i>
<i>“Er.” We’d now been at the table for about thirty seconds.</i>	<i>— Э... — Уже секунд тридцать прошло, как мы сидели за столом.</i>
<i>“Promisefull?”</i>	<i>— <u>Обнадеживаемые?</u></i>
<i>“Promising.” (СУМ)</i>	<i>— <u>Обнадеживающие</u>, — подсказал я. (КСФ)</i>

В примере 39 коммуникант не может подобрать правильный суффикс к слову ‘promising’ и произносит вместо него его пароним ‘promisefull’. Поскольку в русском языке у слова «многообещающий», являющегося прямым эквивалентом ‘promising’ нет паронимов, переводчиком применяется прием **целостного переосмысления**, подбираются паронимы, близкие по значению к «многообещающий».

2.2.3. Результаты анализа переводческих приемов и языковых средств создания литературного типажа «иностранец»

На основе данных диаграмм 4, 5, 6 (см. Приложение 3) можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее продуктивным языковым средством создания литературного типажа «иностранец» являются контаминированная речь, а также коммуникативные неудачи, обусловленные неправильным подбором лексических средств.
2. Среди лексических средств выражения, вызывающих трудности при переводе можно выделить незнакомые иностранные слова и фразеологические обороты, а также созвучные слова.
3. Наиболее частотными средствами передачи контаминированной речи на ИЯ являются опущение и озвончение согласных и изменение качества гласных звуков.

4. Для передачи коммуникативных неудач используются различные приемы и преобразования. Наиболее распространенными являются добавления, опущения и примечания.
5. Контаминированная речь, по большей части, передается при помощи контаминации речи средствами РЯ, также встречаются случаи использования авторских ремарок и целостного преобразования.

2.3. Особенности перевода языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек»

2.3.1. Речевое поведение литературного типажа «малообразованный человек»

В данном исследовании проводится анализ литературного типажа «малообразованный человек» на примере персонажей романа П. Г. Вудхауса *Indiscretions of Archi* и романа О. Голдсмит *The Switcheroo*. Более верным названием для литературного типажа данного типа было бы «простак», но поскольку в вышеуказанных художественных произведениях встречаются персонажи женского и мужского пола, было выбрано гендерно-нейтральное название «малообразованный человек».

На уровне лексикона особенности данного литературного типажа практически не выражены, поскольку персонажи являются носителями языка и владение фонетическим и грамматическим фондом языка соответствует норме. Что касается лексического фонда, то вокабуляр таких литературных типажей чаще всего не отличается широким разнообразием, а незнание каких-то слов или их значений может приводить к появлению коммуникативных неудач.

Уровень тезауруса данного литературного типажа отличается обильным использованием разговорной лексики, фразеологических оборотов и эпитетов, которые либо используются в неверном значении, либо их лексический состав и, соответственно, значение изменяются.

Что касается прагматики, то здесь наиболее распространенной и яркой особенностью является неверное восприятие интенции партнера. Помимо этого, недостаток фоновых знаний, некорректная интерпретация и передача содержания и формы слов приводят к появлению коммуникативных сбоев и комических ситуаций.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что основными языковыми средствами создания литературного типажа «малообразованный человек» являются наполнение его речи разговорной лексикой и коммуникативные неудачи, основанные на недостатке фоновых знаний, подборе лексических средств и ситуации общения.

Среди языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек» в настоящем исследовании рассматриваются проявление недостаточной лингвистической компетенции и связанные с ней коммуникативные неудачи, а также коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточностью энциклопедической и интерактивной компетенциями.

2.3.2. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной лингвистической компетенцией

Пример 40

<p>“A credit to you, <u>old thing</u>,” said Archie cordially.</p> <p>“Don't call me <u>old thing!</u>” growled Mr. Brewster.»</p> <p>“Right-o, <u>old companion!</u>” said Archie amiably.» (WIA)</p>	<p>– Делает вам честь, <u>старина</u>, – сказал сердечно Арчи.</p> <p>– Не называйте меня <u>старинной!</u> – проворчал мистер Брустер.</p> <p>– Ладненько, <u>старый товарищ</u>, – сказал дружески Арчи. (ВНА)</p>
--	--

В данном случае коммуникативная неудача обусловлена отсутствием запланированного перлокутивного эффекта в связи с **неправильным подбором лексических средств**, вследствие чего комплимент воспринимается как оскорбление. Адресат оскорблен тем, что его называют

‘old thing’ и просит к нему так больше не обращаться. В ответ на это его собеседник называет его ‘old companion’, не принимая во внимание то, что адресата оскорбило прилагательное ‘old’. Таким образом, при переводе представлялось важным сохранить сему «старый» и подобрать два эквивалента с этой семой: «старина» и «старый товарищ».

Пример 41

<p>“The <i>guv'nor</i>,” said Parker, breaking the silence, “has some <u>nice little objay dar</u>, sir.”</p> <p>“<u>Little what?</u>”</p> <p>“<u>Objay dar</u>, sir.</p> <p>Light dawned upon Archie.</p> <p>“Of course, yes. <u>French for junk</u>. I see what you mean now. Dare say you're right, old friend. Don't know much about these things myself. (WIA)</p>	<p>– У хозяина, – сказал Паркер, нарушая молчание, – есть <u>недурственные обжейдар</u>.</p> <p>– <u>Недурственные что?</u></p> <p>– <u>Обжейдар</u>, сэр.</p> <p>Арчи озарило:</p> <p>– Ну, конечно же! <u>Хлам по-французски</u>. Понял, понял, о чем вы. Наверное, вы правы, старый друг. Я в этих штучках не очень разбираюсь.</p> <p>Примечание: <i>Objets d'art</i> – предметы искусства (фр.) (ВНА)</p>
---	--

Коммуникативный сбой в данном примере вызван недостаточным владением иностранным языком, что приводит к **неправильной интерпретации лексической единицы**. Французское слово ‘objay dar’ с исковерканным произношением по началу ничего не говорит адресату, а затем он догадывается о его значении по контексту. В переводе используется **транслитерация** и создается **примечание** для разъяснения недопонимания.

Пример 42

<p>“It sounds a ripe scheme. Yes, it has all the ear-marks of a somewhat fruity wheeze! By Jove, it IS a fruity wheeze! <u>It's an egg!</u>”</p> <p>“<u>An egg?</u>”</p> <p>“<u>Good egg, you know.</u>» (WIA)</p>	<p>– Как будто планчик – самое оно. Да, все признаки настоящего тру-ля-ля. Черт побери. Это самое настоящее тру-ля-ля!</p> <p><u>Конфетка!</u></p> <p>– <u>Конфетка?</u></p> <p>– <u>Ну, шоколадка, знаешь ли. Эгей!</u> (ВНА)</p>
--	--

Коммуникативная неудача вызвана **неправильным подбором лексической единицы**, а именно разговорного выражения ‘egg/good egg’

(рус. – «отличная штука»). Адресат с таким выражением не знаком, поэтому использование этого выражения собеседником его удивляет. В русском тексте переводчик адаптировал это выражение, применив **целостное преобразование**.

Пример 43

<p>“Maybe because I had an older brother,” Sylvie suggested. “Phil was an athlete. <u>Very butch.</u>” “Hey, I had an older brother named <u>Butch too,</u>” Marla said. (GS)</p>	<p>– <i>Может быть, потому, что у меня был старший брат? – предположила Сильвия.</i> – <i>Фил в юности был настоящим атлетом, и мне это очень нравилось.</i> – <i>Ой, у меня тоже был брат, старший, – живо откликнулась Марла. (ГЛМ)</i></p>
---	---

Коммуникативная неудача в примере 43 вызвана **неправильной интерпретацией лексической единицы**, т.е. омонимичного слова ‘butch’, которое используется как имя собственное и имя нарицательное. При этом, в русской версии имя нарицательное переводится при помощи **смыслового развития** (‘butch’ – рус. «мужественный» – положительное качество, которое нравилось главной героине, поэтому она начала повторять походку брата), **добавляется авторская ремарка** для передачи эмотивной реакции адресата, а имя собственное **опускается**.

Пример 44

<p>“When we married, <u>Bill was in Yale.</u>” “Good God! What for?” “<u>Not jail, silly. Yale. The university.</u>” “Oh, ah, yes.” (WIA)</p>	<p><i>Видишь ли, мы поженились так внезапно! Билл был в Йеле.</i> – <i>Бог мой! За что?</i> – <i>Йель – это не тюрьма, глупенький, это университет.</i> – <i>О, э, ну да. (ВНА)</i></p>
---	---

Малообразованному человек ничего не говорит название всемирно известного Йельского университета. Вместо названия Yale ему слышится более знакомое слово ‘jail’ схожее по звучанию. Таким образом, коммуникативная неудача вызвана **неправильной интерпретацией лексической единицы и недостатком фоновых знаний**. В русском языке слово «тюрьма» и название «Йель» по звучанию не схожи, однако недопонимание сохраняется, поскольку адресат думает, что Йель – это

название тюрьмы. Переводчик **объединяет** три предложения в одно, преобразуя его в пояснение.

2.3.3. Другие лингвистические особенности речи литературного типажа «малообразованный человек»

Пример 45

<p>Э... <i>Plus, they probably have, like, spider egg farms. Forcing them to lay. You know. Like they do with those poor <u>battered</u> chickens.</i>"</p> <p><i>"<u>Battery, not battered,</u>" (GS)</i></p>	<p><i>А вообще, может, у них есть специальные фермы, где они держат пауков и заставляют откладывать яйца? Делают же это с несчастными <u>инкубационными</u> курами.</i></p> <p><i>– <u>Инкубаторными,</u> – поправила Сильвия. (ГЛМ)</i></p>
--	--

В данном случае малообразованный человек **неверно использует** слово 'bettered' (рус. – «изношенный») вместо его паронима 'battery' (рус. – «клеточная батарея для разведения кур»). Переводчик прибегает к приему **смыслового развития** (если куры содержатся в клетках, значит, они выращены в инкубаторе – инкубаторные), подбирает пароним к новому слову и **добавляет** авторскую ремарку.

Пример 46

<p><i>"And when I hit those acupressure points, believe me, people stand up and take notice."</i></p> <p><i>"How can they stand up if you're massaging their feet?" Sylvie asked.</i></p> <p><i>"I was speaking <u>metabolically,</u>" Marla told her. (GS)</i></p>	<p><i>– Когда я нажимаю на биоактивные точки, люди просто встают!</i></p> <p><i>– Как же они могут встать, если ты им массируешь ноги? – пустила шпильку Сильвия.</i></p> <p><i>– Я говорила <u>метаболически,</u> – <u>гордясь своими познаниями, заявила Марла, даже не догадываясь, что имеет в виду метафору.</u> (ГЛМ)</i></p>
---	---

В примере коммуникант **неверно использует** пароним слова 'metaphorically'. Перевод данного слова не вызывает трудностей, поскольку слова «метафорически» и «метаболически» созвучны и в русском языке, однако переводчик **добавляет** авторскую ремарку для пояснения ошибки коммуниканта.

Пример 47

<p><i>“Mopping it up, do you mean? Shifting it? Looking on the jolly old stuff when it was red and what not, what?”</i></p>	<p>– <u>Наклюкивался, вы об этом? Перебирал? Лакал, что покрепче, и все такое прочее, а?</u></p>
<p><i>“Dear old Squiffy was always rather-a lad for the wassail-bowl. When I met him in Paris, I remember, he was quite tolerably blotto.”</i></p>	<p>– Милый старина Окоселый всегда имел <u>склонность к заздравным кубкам. Помнится, когда я встретился с ним в Париже, он сильно налакался.</u></p>
<p><i>“Dear old Squiffy was always like that. It's a gift. However woozled he might be, it was impossible to detect it with the naked eye. I've seen the dear old chap many a time whiffled to the eyebrows, and looking as sober as a bishop. Soberer! When did it begin to dawn on the lads in the grill-room that the old egg had been pushing the boat out?” (WIA)</i></p>	<p>– Милый старина Окоселый всегда этим отличался. Особый дар. Как бы он ни <u>нализался, невооруженным глазом этого не обнаружить. Я много раз сам видел, как милый старичок наклюкивался до чертиков, а выглядел трезвым, как епископ. Да нет, куда трезвее! Так когда ребятам в гриль-баре стало ясно, что старикан вот-вот пойдет на бровях?</u> (ВНА)</p>

В примере 47 продемонстрировано многообразие **разговорных выражений**, употребляемых в речи литературного типажа «малообразованный человек». В переводе наблюдается **изменение частей речи**, подбор **полных или частичных эквивалентов** с целью сохранения образности речи персонажа.

Пример 48

<p><i>“Yes, it's an egg, isn't it!” “Queen of my soul,” said Archie enthusiastically, “it's an omelette!” (WIA)</i></p>	<p>– <u>Настоящая конфетка, да?</u> – Царица души моей, – сказал Арчи с восхищением, – <u>это целый шоколадный набор!</u> (ВНА)</p>
---	---

В примере 48 продемонстрировано использование **разговорной фразы**, на базе которой строится игра слов (egg – omelette). Для сохранения образности и игры слов, переводчик прибегает к **целостному переосмыслению**.

2.3.4. Коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной интерактивной компетенцией

Пример 49

<p><i>“Why don’t you fetch some water for that plant instead?” Mildred suggested to Marla. “It looks as if it needs it.”</i></p> <p><i>“Oh, I’m not very good with that kind of thing,” Marla admitted, missing Mildred’s point. “I guess I’m just a green dumb.” (GS)</i></p>	<p><i>–Пожалуйста, лучше полей цветы. Видишь, этот совсем поник.</i></p> <p><i>– Ой, я в этом не очень разбираюсь, – простодушно созналась Марла, не уловив намека. – Я вообще к растениям абсолютно равнодушна. (ГЛМ)</i></p>
--	--

Коммуникативный сбой в данном случае вызван **непониманием интенции партнера**. Под предлогом полить цветок собеседник просит адресата удалиться из комнаты, а адресат, в свою очередь, воспринимает эту просьбу буквально. В переводе используется **конкретизация** (fetch some water – полей; it needs it – этот совсем поник), а также **описательный перевод** окказионализма (green dumb - к растениям абсолютно равнодушна).

Пример 50

<p><i>“She’s a fruit,” muttered the Brenda. Something as she motioned toward Marla with her head.</i></p> <p><i>“No, a nut,” added a woman Sylvie had noticed earlier.</i></p> <p><i>“Oh, nuts are something you have to be very careful with,” (GS)</i></p>	<p><i>– Сама вы фрукт! – Бренда гневно сверкнула глазами на Марлу.</i></p> <p><i>– Нет, она скорее орех, чем фрукт, – прибавила женщина, на которую Сильвия обратила внимание раньше. – Крепкий орешек!</i></p> <p><i>– О, с орехами надо быть особенно осторожными, – сказала Марла, не заметив подвоха. (ГЛМ)</i></p>
--	---

Коммуникативное затруднение в данном случае вызвано **непониманием иллокутивной силы** высказывания, вследствие чего оскорбление не воспринимается адресатом. Второй фактор появления коммуникативной неудачи – многозначность слова 'nut' (рус. – 1) орех; 2) чудака, псих). При переводе использовано **добавление** в репликах коммуникантов, а также **добавление** авторской ремарки для пояснения недопонимания.

Пример 51

<p>“Voles?” he asked. “What are you talking about?”</p> <p>“The ruts,” Marla told him. “<u>what loused up the lawn like that?</u>”</p> <p>“<u>The crane did that, Sylvie.</u>”</p> <p>“<u>I didn’t know that birds could mess up a lawn. was it a herd?</u>”</p> <p>“<u>A flock,</u>” Bob said, putting down his coffee.</p> <p>“<u>a group of birds is a flock, not a herd. Are you trying to be funny this morning? The crane that pulled your car out of the pool ruined the lawn.</u>”</p> <p>“<u>Carpool?</u>” Marla asked. (GS)</p>	<p>– Какие еще кроты? О чем ты говоришь?</p> <p>– <u>рассеянно спросил он.</u></p> <p>– Там борозды! – сказала Марла. – <u>Кто так испоганил газон?</u></p> <p>– <u>Сильвия, это же следы крана.</u></p> <p>– <u>Крана? Ничего не понимаю... Зачем вам во дворе понадобился кран?</u></p> <p>Боб <u>нахмурился.</u></p> <p>– <u>Сильвия, ты сегодня как-то странно шутишь. Газон испортил кран, который вытаскивал из бассейна твою машину.</u></p> <p>– <u>Из бассейна мою машину?</u> – искренне удивилась Марла. – <u>Я что, обычно мою машину в бассейне?</u> (ГЛМ)</p>
---	---

В примере 51 затруднение в коммуникации вызвано отсутствием знаний коммуниканта о контексте ситуации общения, а также многозначностью слова ‘crane’. По сюжету две девушки со схожей внешностью поменялись местами. Так как муж принимает незнакомку за свою жену, он не понимает, почему она удивляется тому, что сама же натворила на лужайке перед домом. При переводе используется прием **целостного преобразования**, а также **опущение** и **добавление** реплик персонажей.

2.3.5. Результаты анализа переводческих приемов и языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек»

Принимая во внимание результаты анализа, представленные в диаграммах 7, 8, 9 (см. Приложение 4) можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее распространенными средствами создания литературного типажа «малообразованный человек» являются коммуникативные неудачи, вызванные неправильным выбором и интерпретацией лексических единиц, а также разговорные формы.

2. Среди лексических средств выражения, приводящих к наибольшим трудностям при переводе, можно выделить разговорную лексику, незнакомые иностранные слова, омонимы и паронимы.
3. Среди переводческих приемов при передаче продуктивных языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек» наибольшее распространение получили добавления, частичные или полные эквиваленты и целостное преобразование.
4. Наименьшее распространение получили прием транслитерации, примечания и опущения.

Выводы по главе II

Результаты анализа выборочной совокупности англоязычных художественных произведений и их переводов на русский язык показывают, что:

1. Наиболее продуктивным языковым средством создания литературного типажа «ребенок» являются коммуникативные неудачи, обусловленные неверной интерпретацией лексических единиц. Также в дискурсе данного литературного типажа встречаются коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной энциклопедической и интерактивной компетенциями, однако они менее распространены.
2. Среди основных переводческих приемов при передаче данных языковых средств создания литературного типажа «ребенок» преобладают целостное преобразование и добавление. Конкретизация, генерализация, нахождение частичного эквивалента и т.д. также применяются в переводе, но в меньшей степени, при этом одно преобразование может применяться совместно с другими (например, добавления + целостное преобразование, добавление + эквивалент и т.п.)
3. Для литературного типажа «иностранец» наиболее характерны контаминированная речь, а также коммуникативные неудачи, обусловленные неправильным подбором лексических средств. Помимо перечисленных средств для создания данного литературного типажа могут использоваться другие проявления недостаточной лингвистической компетенции, включая неверную интерпретацию из-за незнания лексических единиц и связанные с ней коммуникативные неудачи.
4. Контаминированная речь, по большей части, передается при помощи контаминации речи средствами РЯ, также встречаются случаи использования авторских ремарок и целостного преобразования.

Наиболее частотными средствами передачи контаминированной речи в дискурсе «иностранца» являются опущение и озвончение согласных и изменение качества гласных звуков. Для передачи коммуникативных неудач разных типов используются различные приемы и преобразования. Наиболее распространенными являются добавления, опущения и примечания.

5. Наиболее распространенными языковыми средствами создания литературного типажа «малообразованный человек» являются коммуникативные неудачи, вызванные неправильным выбором и интерпретацией лексических единиц, а также разговорные формы. Также встречаются коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной интерактивной компетенцией.
6. При передаче продуктивных языковых средств создания литературного типажа «малообразованный человек» наибольшее распространение получили следующие переводческие приемы: добавления, частичные или полные эквиваленты, целостное преобразование, смысловое развитие, а также описательный перевод. Наименьшее распространение получили прием транслитерации, примечания и опущения.

Заключение

Данное исследование позволило обратиться к актуальной проблеме перевода языковых средств создания литературных типажей.

На первом этапе исследования было установлено, что при нарушении принципов общения могут происходить коммуникативные неудачи. Их возникновение может быть вызвано как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Явление коммуникативных неудач активно используется авторами художественных произведений, в том числе и для создания речевого портрета персонажей. Речевой портрет, в свою очередь, является одним из наиболее эффективных способов описания языковой личности, который позволяет выявить индивидуальные особенности речи литературных типажей. Данные особенности являются частью прагматического потенциала художественных произведений. Сохранение прагматического потенциала является одной из важнейших задач переводчика, которая может быть выполнена посредством прагматической адаптации. Помимо этого, еще одним важным аспектом перевода является понятие эквивалентности, поскольку сохранение всех уровней эквивалентности позволяет достичь максимальной близости к оригиналу на уровне семантики и синтаксиса. Прагматический уровень переносится из понятия эквивалентности в сферу адекватности перевода, которая определяется умением переводчика передать коммуникативный эффект.

В процессе исследования были решены поставленные задачи и получены следующие выводы: результаты данного исследования подтвердили предположение о том, что коммуникативные неудачи являются наиболее распространенным языковым средством создания литературных типажей всех представленных типов: «ребенок», «иностранец», «малообразованный человек». В дискурсе всех трех проанализированных литературных типажей преобладают

коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной лингвистической компетенцией. В частности, у «ребенка» коммуникативные неудачи в основном возникают при неверной интерпретации лексических единиц, а у «иностранца» сбои в коммуникации происходят при порождении речи из-за неверного подбора лексических средств выражения. Что касается «малообразованного человека», то в его дискурсе в одинаковой степени встречаются коммуникативные неудачи, обусловленные как неверным подбором, так и интерпретацией лексических единиц.

Помимо коммуникативных неудач различных типов, еще одним продуктивным способом создания литературного типажа «иностранец» является контаминированная речь. Для создания литературного типажа «ребенок» также широко используются коммуникативные неудачи, обусловленные недостаточной энциклопедической и интерактивной компетенциями, а в дискурсе «малообразованного человека» важную роль играют такие лингвистические особенности речи, как разговорные формы и неверный подбор и интерпретация лексических средств, не приводящие к коммуникативным сбоям.

К лексике, вызывающей наибольшие переводческие трудности, относятся омонимы, фразеологические обороты, паронимы, незнакомые коммуниканту иностранные слова, т.е. зачастую безэквивалентная лексика. Наименьшие трудности вызывает разговорная лексика. Таким образом, труднее всего переводить языковые средства создания литературного типажа «иностранец», поскольку в его дискурсе встречается не только большое количество безэквивалентной лексики и коммуникативных неудач разных типов, но также контаминированная речь. Наличие данных факторов зачастую побуждает переводчика полностью перестраивать высказывание персонажа в ПЯ, применяя целостное преобразование, изобретать новые средства передачи контаминированной речи на ПЯ, а

иногда и оставлять особо трудные фрагменты без перевода, в таких случаях переводчиком даются примечания, либо добавляются авторские ремарки.

В результате исследования было установлено, что между языковыми средствами создания литературных типажей и переводческими приемами есть определенные закономерности. Так, для перевода коммуникативных неудач, вызванных лингвистическими факторами, как правило, используются приемы целостного преобразования и добавления, а контаминированная речь передается при помощи контаминации речи средствами ПЯ или при помощи добавления авторских ремарок. Кроме того, многие переводческие приемы используются в комплексе, например, добавления + подбор эквивалента/генерализация, целостное преобразование + опущение и добавление, конкретизация + описательный перевод, транслитерация + примечание и др.

Список использованной литературы

- 1) Алексеева И. С. Введение в перевод: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
- 2) Алюнина О. Г. Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях // Лингвистика и лингводидактика на рубеже веков: теоретические и прикладные аспекты: материалы региональной научно-методической Интернет-конференции, посвященной 10-летию факультета романо-германских языков Ставропольского университета. Ставрополь: изд-во СГУ, 2010. С.106 – 109
- 3) Барсукова Е. В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. 22 с.
- 4) Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. Изд. Филол. фак. СПбГУ, 2007. – 279 с.
- 5) Богин Г. И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. – 31 с.
- 6) Бороденко М. В. «Языковая» личность // Культурно-историческая психология развития. М., 2001. С. 211 – 214.
- 7) Бугрова С. Е. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении: Автореф. дис. к.ф.н. 10.02.04 – Нижний Новгород, 2013. – 24 с.
- 8) Виноградов В.В. Избранные труды: о художественной прозе. М.: Наука, 1980. – 360 с.
- 9) Гак В. Г. Теория и практика перевода : фр. яз. / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. – М. : Интердиалект+, 2000. – 459 с.
- 10) Гарбовский Н. К. Теория перевода. Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

- 11) Голев Н. Д. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. – 435 с.
- 12) Гордеева М. Н. Речевой портрет и способы его описания. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения 11.12.2017)
- 13) Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер. с разн. яз./Сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. Общ. ред. Е. В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217 – 238.
- 14) Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. / Т. А. Дейк ; под редакцией В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- 15) Еремеева О. А. О понятии «языковая личность» // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Харьков, 1991. Вып. 1, ч. 2. – С. 434.
- 16) Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – 345 с.
- 17) Ерошенко А. Р. Концепт «Человек» в антропологической лингвистике: особенности интерпретации // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ставрополь, 2003. Ч. 2. – С. 18–20.
- 18) Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5 – 25.
- 19) Карасик В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград – Саратов : Перемена, 1998. – С. 185 – 197.

- 20) Карасик В. И. Языковой круг круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 21) Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
- 22) Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. – С. 5 – 11.
- 23) Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. – С.3 – 8.
- 24) Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
- 25) Клюканов И. Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 69–73.
- 26) Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
- 27) Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
- 28) Корячкина А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода. дис. ... канд. фил. наук. СПб, 2017. – 312 с.
- 29) Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – № 1. – М., 2001. – С. 90 – 106
- 30) Латышев Л. К. Перевод : теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
- 31) Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2006. – 19 с.
- 32) Лукьянова В. С. Коммуникативные неудачи в комедии абсурда : На материале сопоставительного анализа английского и русского языков. дис. ... канд. фил. наук. Москва, 2002. – 164 с.

- 33) Макеева С. О. Речевой портрет в круге смежных понятий / С. О. Макеева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы и тезисы докладов ежегодной международной конференции, 7 февраля 2014 г., Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т ; под ред. Н. Н. Сергеевой ; науч. ред. Е. Е. Горшкова. – Екатеринбург, 2014. – Ч. 3. – С. 79-85.
- 34) Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. – М., 1991. – С. 73 – 75.
- 35) Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей. – М: Междунар. Отношения, 1978. – 232 с.
- 36) Павлычева Е. Д. К вопросу о типологической классификации видов понятия «речевой портрет» // Вестник московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – М., 2016 – С. 144 – 150.
- 37) Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика М.: ВИНТИ, 1982. – С. 184 – 226.
- 38) Поспелова А. Г., Кондрашова В. Н. Лингвистическая природа возникновения коммуникативно-неудачных высказываний при использовании иноязычного кода. Материалы VII Всероссийской межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 21-23 января 2014г. С. 184 – 188.
- 39) Пушкин А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. – С. 50 – 60.
- 40) Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – 3-е изд., стереотип. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.

- 41) Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). – М.: Восток-Запад, 2006. – 200 с.
- 42) Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М: Издательство "ИКАР", 2007. – 480 с.
- 43) Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
- 44) Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215с.
- 45) Bara B. G. Cognitive Pragmatics: The Mental Process of Communication, translated by John Douthwaite. Cambridge/MA: MIT Press, 2010. – 304 p.
- 46) Clarke E. V. The Lexicon in Acquisition. Cambridge University Press, 1993. – 306 p.
- 47) Schleiermacher F. On The Different Methods of Translating // The Translation Studies Reader. Third Edition. Edited by Lawrence Venuti. NY: Routledge, 2012. – pp 43 – 63.
- 48) Jäger G. Translation und Translationslinguistik. Halle (Saale), 1975.
- 49) Leech G. N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. – 250p.
- 50) Nerlich B., Clarke D. D. Ambiguities we live by: Towards a pragmatics of polysemy // Journal of Pragmatics. Volume 33, Issue 1, 2001. pp 1-20.
- 51) Nida E. The Theory and Practice of Translation / Eugene A. Nida, Charles R. Taber. – Leiden: Brill, 1982. – 218 p.
- 52) Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Harvard University Press, 1986 – 288 p.
- 53) Venuti L. Strategies of Translation. // The Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Ed. Mona Baker. London/New York: Routledge. pp 240-244.
- 54) Austin J. L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1962 – 174 p.

Список сокращений источников

- ВАР Bond M. The Adventures of Paddington. Containing A Bear Called Paddington and More About Paddington. L.: Collins, 1965. [Electronic resource] – URL: <https://books.google.ru/books?id=Zua9AQAACA AJ&hl=ru> (дата обращения: 15.01.17)
- ВРА Bond M. Paddington Abroad. L.: Dell, 1974. [Electronic resource] – URL: https://books.google.ru/books?id=UsApw3Km_80C&hl=ru (дата обращения: 25.02.17)
- ВРМ Bond M. Paddington Marches On. L.: Fontana Young Lions, 1964. [Electronic resource] – URL: <https://books.google.ru/books?id=307U0NAmOFYC&hl=ru> (дата обращения: 21.01.17)
- СМА Clarke S. Merde Actually. Cambridge: Black Swan, 2006. [Electronic resource] – URL: <https://books.google.ru/books?id=Xu4G aP13g5YC&hl=ru&num=15> (дата обращения: 08.07.17)
- СУМ Clarke S. A Year in The Merde. Cambridge: Black Swan, 2005. [Electronic resource] – URL: <https://books.google.ru/books?id=SmyI 3r50xvwC&hl=ru&num=15> (дата обращения: 16.06.17)
- ГС Goldsmith O. Switcheroo. NY: Diversion Books, 2014. [Electronic resource] – URL: <https://books.google.ru/books?id=G5zN BAAAQBAJ&hl=ru&num=15> (17.09.17)
- WIA Wodehouse P. G. . Indiscretions of Archie. 1921. [Electronic resource] – URL: <http://www.gutenberg.org/files/3756/3756-h/3756-h.htm> (14.01.18)
- БНП Бонд М. Медвежонок Паддингтон. Новые приключения. Перевод А. Глебовской. Азбука-Аттикус, 2015. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.litres.ru/maykl-bond/medvezhonok-paddington-novyie-priklucheniya-19434274/> (дата обращения: 15.01.17)

- БПГ Бонд М. Медвежонок Паддингтон за границей. Перевод А. Глебовской. Азбука-Аттикус, 2015. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.litres.ru/maykl-bond/medvezhonok-paddington-za-granicey-19435422/> (дата обращения: 02.03.17)
- БПС Бонд М. Медвежонок Паддингтон не сдаётся. Перевод А. Глебовской, К. Смирцовой. Азбука-Аттикус, 2015. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.litres.ru/maykl-bond/medvezhonok-paddington-ne-sdaetsya-19436451/> (дата обращения: 23.03.17)
- ВНА Вудхаус П. Г. Несокрушимый Арчи. Перевод И. Гуровой. АСТ, 2011. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.litres.ru/pelam-vudhaus/nesokrushimyy-archi/> (дата обращения: 16.02.18)
- ГЛМ Голдсмит О. Ловушка для мужа. Перевод В. Дюбиной. Эксмо-Пресс, 1999. – 430 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.livelib.ru/book/134949/readpart-lovushka-dlya-muzha-oliviya-goldsmit> (дата обращения: 11.10.17)
- КСП Кларк С. О, Боже, снова Париж! Наблюдая за французами. Перевод И. Литвиновой. Рипол Классик, 2011 [Электронный ресурс] – URL: <https://books.google.ru/books?id=x7khkgEACAAJ&hl=ru&num=15> (дата обращения: 09.08.17)
- КСФ Кларк С. Боже, спаси Францию! Наблюдая за парижанами. Перевод А. Желтовой. Рипол Классик, 2010. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=149639&p=1> (дата обращения: (дата обращения: 17.06.17)

Список словарей

- 1) Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] // Cambridge University Press – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
- 2) Dictionary of Linguistics and Phonetics / Crystal D. – A Sixth edition. Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.

- 3) LingvoUniversal (En-Ru) (к версии АБВУУ Lingvo x5) Англо-русский словарь общей лексики. АБВУУ, 2011. 100 тыс. статей.
- 4) Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] // Oxford University Press – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>
- 5) Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — 4-е изд., перераб., дополн. – М. : Сов. энцикл., 1984. – 944 с.
- 6) Толковый переводческий словарь / Нелюбин Л. Л. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: наука, 2003. – 320 с.

Список сокращений

ИЯ	Исходный язык
КН	Коммуникативная неудача
ПЯ	Язык перевода
РП	Речевой портрет
ЯЛ	Языковая личность

Приложение 1

Основные параметры анализа речевого портрета

№ п/п	Параметр	Основное содержание параметра	Уровень анализа
1	Лексикон языковой личности	Отражение владения лексико-грамматическим фондом языка. Репрезентация языковой картины мира (родная или чужая).	Анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность: количество лексем, их частеречная принадлежность, фонетическая оформленность, соответствие грамматическим нормам.
2	Особенности тезауруса личности	Репрезентация навыков отбора выразительных средств родного / чужого языка	Анализ использования разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой.
3	Прагматика	Совокупность коммуникативных целей личности (предполагаемая коммуникативная роль, интенции, целеустановка).	Анализ соответствия языковых средств коммуникативным намерениям личности.

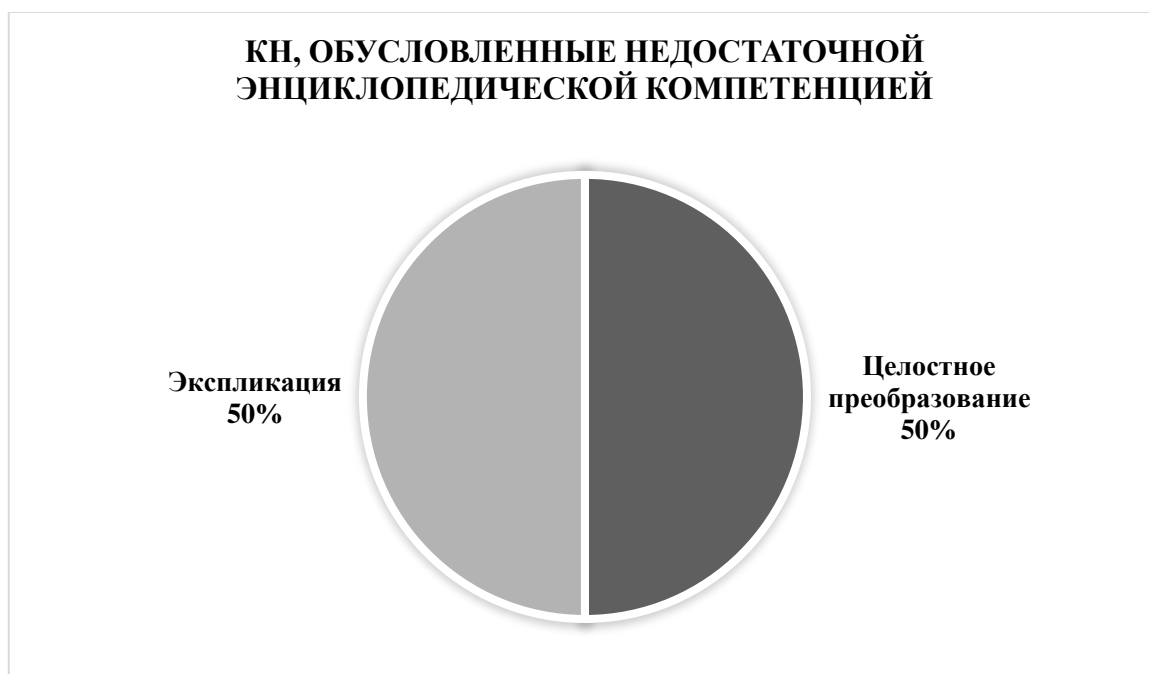
Приложение 2

Результаты анализа переводческих приемов и средств создания литературного типажа «ребенок»

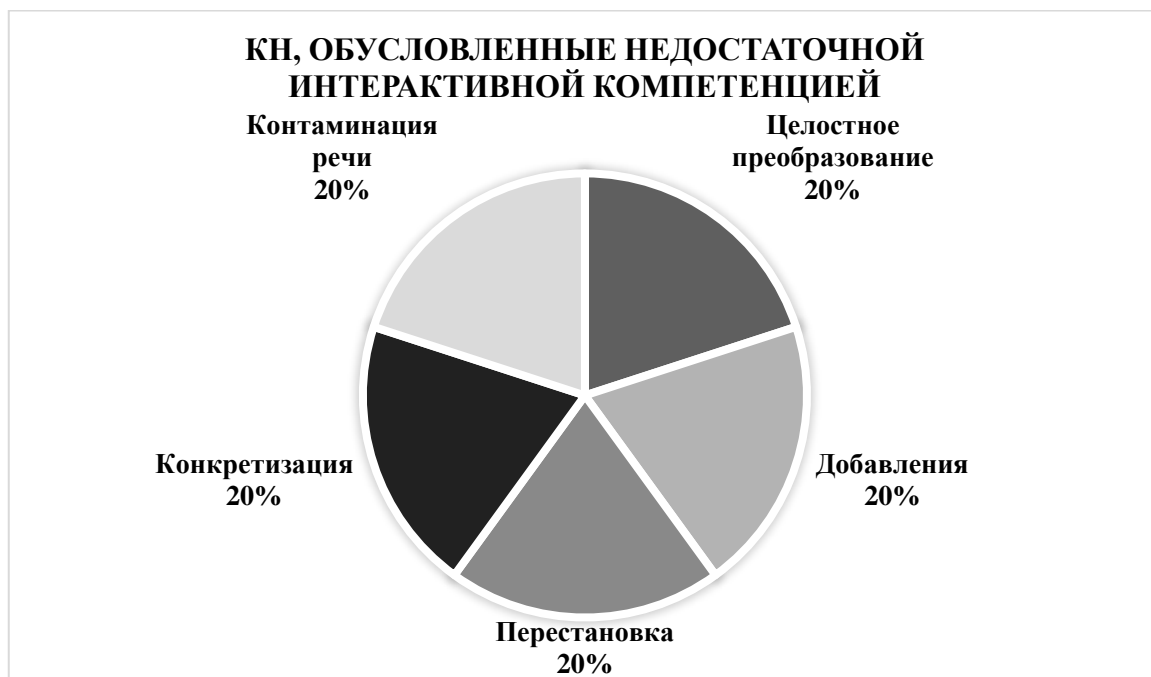
Диаграмма 1

Диаграмма 2

Диаграмма 3

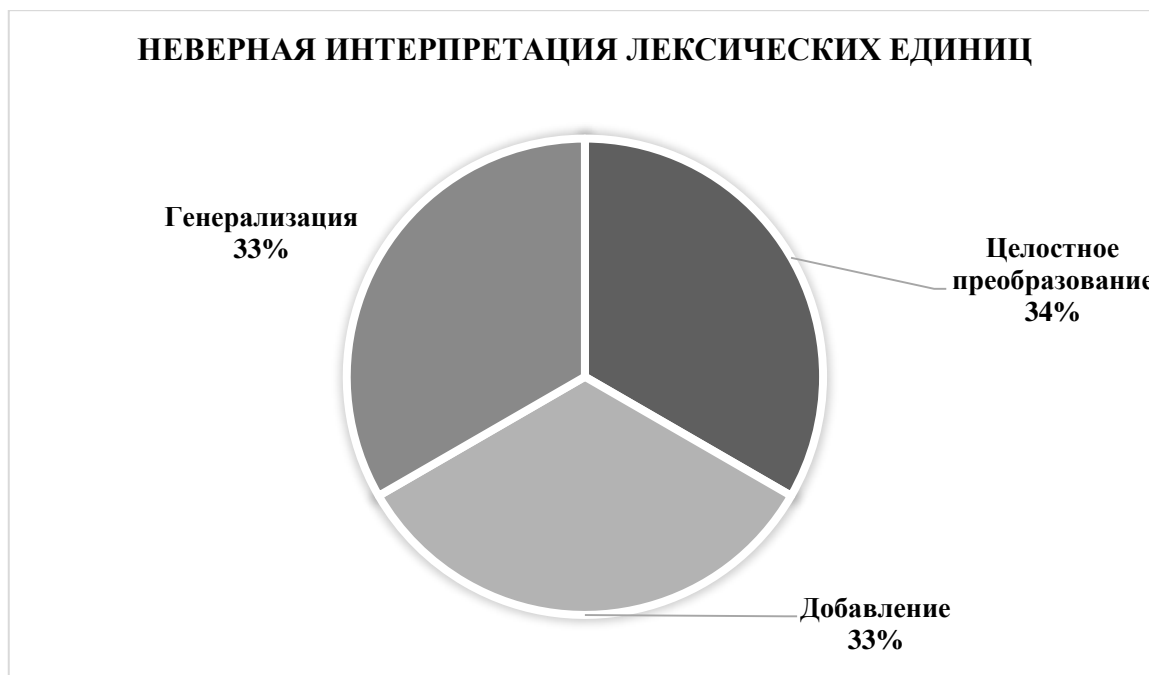
Приложение 3

Результаты анализа переводческих приемов и средств создания литературного типажа «иностранец»

Диаграмма 4

Диаграмма 5

Диаграмма 6

Приложение 4

Результаты анализа переводческих приемов и средств создания литературного типажа «малообразованный человек»

Диаграмма 7

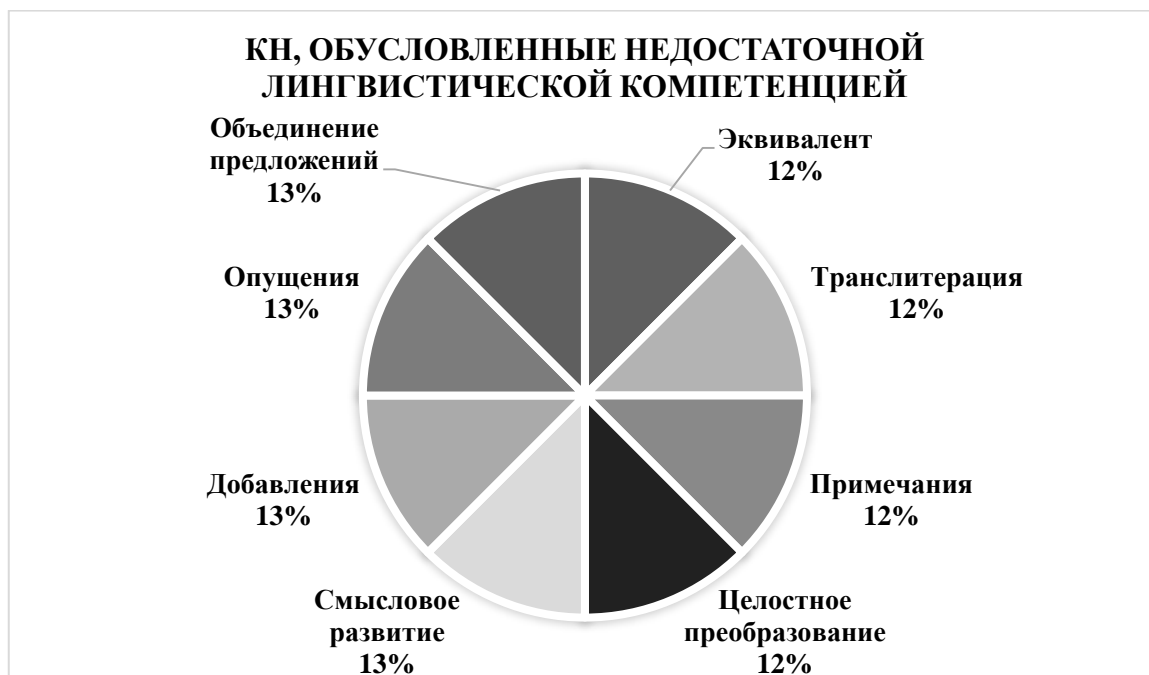
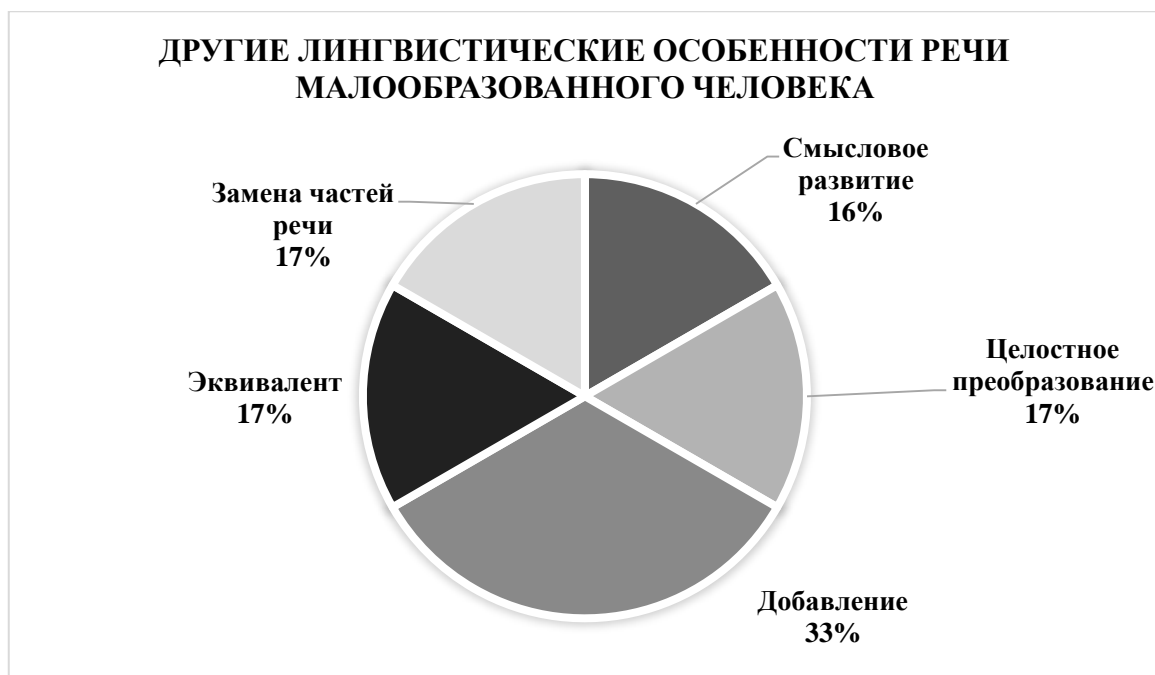

Диаграмма 8

Диаграмма 9

